

№ 4-5

КАРАКЕЙ & КАДИКЕЙ

КАРАКЕЙ И КАДИКЕЙ №4-5

Иерусалим
5776

ВИДѢНІЕ.

МАХМУДА II^{го},

СУЛТАНА ТУРЕЦКАГО,

ПРЕДЪ

СОВЕРШЕННЫМЪ РАЗВИТІЕМЪ ПОВѢДОНО-
СНЫМИ РОССІЙСКИМИ ВОЙСКАМИ ВЕЛИ-
КАГО ВИЗИРЯ СЪ 40 ТЫСЯЧНОЮ АРМІЕЮ
ЕГО ПРИ ДЕРЕВНѢ КУЛАВЧИ ПОДЪ
ШУМЛОЮ 30 Мая 1829 года.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

*Въ 1829 году в Москве в типографии
университетской в типографии
университетской в типографии
университетской в типографии
университетской в типографии
университетской в типографии*

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Москва, Юля 5го дня 1829 года. Ценсоръ
Владимиръ Измайловъ.

Продается въ магазинѣ издателя Ивана Труха-
чева, въ домѣ Г. Шипова, близъ Никольскихъ

ВИДѢНІЕ ТУРЕЦКАГО СУЛТАНА
МАХМУДА II.

Уже блѣдно отражался послѣдній оп-
свѣтъ попухающей зари на высокомъ
спицѣ мечети Селимовой и на высо-
кихъ минаретахъ Сералея Султанскаго;
уже Иманъ кончилъ пашую вечернюю
молишву и унылые жители Стамбула
тихо возвращались въ дома. Шумная
дѣятельность Апмейдана (1), верфи
корабельной и дворца Махмудова пре-
кратилась. Наспала ночь. Махмудъ II
въ богато вышитой фескѣ (2) скоро-
ми шагами ходилъ по обширной залѣ
своего Гарема; любимцы его съ тре-
петомъ стояли въ отдаленіи и молча
поглядывали другъ на друга: на высо-
комъ челѣ Государя ихъ изображалась
мрачность; но быстро подходилъ онъ
къ картѣ развернутой и лежащей на
драгоценномъ писменномъ столѣ: карта
изображала Булгарію и прилежащія къ
ней области; но скоро пробѣгалъ до-

песенія Великаго Визиря своего изъ Шумлы, и Пашей ихъ своихъ Азійскихъ областей; часто начиналъ онъ произносить невнятные приказанія, но они замирали некончанныя на устахъ его. Любимцы и Царедворцы безмолствовали.

„Россіяне гибнутъ,“ сказалъ онъ наконецъ, разсматривая донесеніе Визиря. — „Великій Визирь мой доноситъ, что вскорости изгонитъ сихъ невѣрныхъ изъ предѣловъ моей монархіи, и что внесетъ огонь и мечъ въ ихъ страны.“

„Да поможетъ тебѣ великій пророкъ нашъ, и да прославитъ онъ мечъ твой такъ, какъ прославилъ мечи предковъ твоихъ Амурама, сына его Магомеда и великаго Солимана!“ — воскликнули въ одинъ голосъ предстоящіе.

„— Повелѣваю,“ сказалъ Султанъ помолча нѣсколько, „завтра между первой и второй молитвы извѣститъ о славѣ войскъ нашихъ и о намѣреніи Великаго Визиря моего весь народъ и войско, и напомнитъ вѣрнымъ нашимъ Мусульманамъ, что впаденіе невѣрныхъ въ области Бога и великаго пророка нашего требуетъ отмщенія.“ Съ симъ сло-

воиъ Султанъ далъ знакъ, придворные удалились и *Капу-Агаси* проводилъ великаго Повелителя своего въ опочивальню (3).

Тихо прошекла ночь для жителей Константинопольскихъ. Сладокъ и безмятеженъ былъ сонъ бѣднаго поденщика, честнаго Кадія (4); нищенствующаго Дервиша (5) и мирнаго селянина; но Повелитель ихъ чуждъ былъ покоя: утомленный думами, лежа на мягкомъ ложѣ, окруженный тысячами тѣлохранителей, сомкнулъ онъ глаза, какъ ужасное видѣніе претворило великолѣпный дворецъ его въ пустынную необозримая степи Аравійскія, мягкія пуховики и ковры драгоценныя въ скалы и ущелія. Ужасенъ былъ сонъ его.

Еще ни одинъ лучъ восходящаго солнца не освѣщаль высокихъ спиць минаретныхъ; еще густая мгла непроницаемаго тумана лежала на Босфорскомъ проливѣ, какъ *Капу-Агаси* долженъ былъ отворить ворота Гарема и *Капиджи-Баши* (6) одинъ за другимъ выбѣгали въ оныя съ разными Султанскими повелѣніями. Все пришло въ смя-

шеніе: бѣгали, перешепывались, догадывалась, недоумѣвали, но никто не зналъ истинной причины тревоги. Любимцы Султана и знатнѣйшіе царедворцы съ трепетомъ ожидали той минуты, въ которую Махмудъ, Императоръ Турковъ, позоветъ ихъ; но ожиданіе ихъ на сей разъ было тщетно: къ Султану позваны были Великій Муфтіи (7), Придворный Астрологъ, *Капу-Агаси* и Селигдаръ (8); они пришли и двери опочивальни зашворились.

Долга ходилъ полуодѣтый Султанъ скорыми шагами по комнатамъ. Холодный потъ выступалъ на мрачномъ челѣ его крупными каплями. Муфтіи и призванные Чиновники въ безмолвіи ожидали грозныхъ по видимому приказаній своего Государя; но случилось напрошивъ: спокойно сѣлъ онъ на диванъ, далъ знакъ Муфтію приблизиться и началъ разговоръ свой такъ:

„Счастливы тотъ Государь, которому подданные говорятъ истину. Надѣюсь, Великій Муфтіи, что ты, какъ служитель вѣры и достопочтенный истолкователь Алкорана, не захочешь

скрыть ее теперь отъ меня; дѣло такъ важно, что разрѣшеніе онаго должно быть превыше всѣхъ наградъ. Судьба, управляющая нашими дѣянiями, конечно ведетъ насъ по пути, уже предначертанному, и измѣнить путь сей никто изъ правовѣрныхъ не можетъ; но сія же самая судьба, одаривъ насъ разумомъ, предоставила намъ волю, съ помощію дара сего, постигать нѣкоторыя тайныя стези ея: это твое дѣло, мудрый Астрологъ! Я расскажу вамъ видѣніе, возмущившее покой мой въ ночь сію; одно воспоминаніе онаго заставляетъ меня трепетать.“ — „Повелитель правовѣрныхъ!“ возразилъ Муфтіи, павъ къ ногамъ Государя: „тебѣ ли трепетать среди твоей столицы, среди твоего народа, среди непобѣдимаго твоего воинства? Мудрость, добродѣтель и любовь народная развѣ не ограждаютъ тебя отъ опасностей!“ — „Вѣрю“ прервалъ Султанъ, это голосъ лести, могъ бы я подумать, если бы не зналъ, что придерживаясь древнихъ обычаевъ, страшишься ты моей власти и могущества; но я повелѣваю тебѣ говорить мнѣ исти-

ну. Слушайте и отвѣчайте потомъ со всею истиною, какую великій пророкъ нашъ заповѣдалъ въ своемъ законѣ.

— „Я видѣлъ страшный сонъ,“ началъ Султанъ; „но нѣтъ, клянуся Кыблою (9) всего міра и священной судьбою всѣхъ праведныхъ Мослимовъ, это былъ не сонъ: глаза мои явственно различаютъ до сихъ поръ предметы и слухъ мой еще внятно поражается звуками бесѣдовавшихъ со мною. — Нѣтъ! это былъ не сонъ!“ — Тутъ Султанъ, вставъ съ дивана, прошелъ нѣсколько разъ по кабинету какъ бы желая успокоиться. — „Едва только“ — продолжалъ онъ — „легъ я и думалъ, что благодѣтельный сонъ сомкнетъ мои рѣсницы, какъ вдругъ видѣлъ себя перенесеннымъ въ дикую пустыню, глаза мои видѣли необозримость неба и земли. Небо было прекрасно какъ въ весеннее утро, но земля, земля представляла ужасное зрѣлище: тамъ лежали груды костей; тамъ вверху корнями вырванныя деревья, здѣсь изсохшее озеро, тамъ пропасти; вихрь съ яростію клубясь воздымалъ столбы песку, словомъ, прекрасная земля наша имѣла

совершенный видъ разрушенія. Долго, казалось мнѣ, бродилъ я одинъ между скаль и пронасней, попиралъ ногами моими валяющіеся скелеты людей, мешки съ золотомъ, драгоценныя каменья; но нигдѣ не встрѣчалъ ни одного живаго творенія. Томимый сильною жаждою я послалъ воды и не находилъ ее. Въ отчаяніи дерзалъ уже я роптать на великаго пророка нашего, какъ вдругъ увидѣлъ предъ собою старца, покрытаго рубищемъ: видъ его былъ мраченъ. — „Сынъ мой!“ — сказалъ онъ мнѣ, подавая въ обломкѣ драгоценнаго сосуда воду, „ты хочешь пить; вотъ вода, ее не много, но я собиралъ ее при годя и охотно даю тебѣ, пей!“ Съ жадностію выпилъ я воду и освѣжился. — Кто ты, незнакомецъ? спросилъ я старца; кто ты, благодѣтель мой? — Кто я! отвѣчалъ старецъ; сядемъ на этотъ камень; я расскажу тебѣ нѣчто такое, которое будетъ касаться и твоей участи. — Какъ, развѣ ты меня знаешь? — Могу ли не знать я Падишаха (10) Махмуда, сына Абдуль Гамидова? — Но кто ты, почтенный старецъ, скажи и объясни мнѣ гдѣ я? — Я Опшоманъ, сынъ Орпогрул-

ла. — Великій пророкъ! воскликнулъ я павъ къ ногамъ. — Встань, сынъ мой, говорилъ Отшаманъ поднимая меня и посадивъ на камень. Благодарю великаго пророка, что онъ, приводя себя въ сію юдоль истины, желаетъ научить тебя. Такъ! я Отшоманъ, и одинъ изъ предковъ твоихъ, который по благости Бога пользуется здѣсь свободою, тогда какъ другіе осужденные, страдаютъ въ нѣдрахъ земли — Великій Отшоманъ! неужели это ты, котораго память прославляется Мослимами болѣе 5и вѣковъ (11), и котораго благость есть общее желаніе народа для каждаго изъ Султановъ? — Такъ, я! Нѣсколько добрыхъ дѣлъ, учиненныхъ мною въ жизни, доставили мнѣ многія выгоды предъ многочисленнымъ моимъ потомствомъ: каждаго изъ умершихъ Султановъ встрѣчалъ я и къ крайнему моему огорченію ни одного изъ нихъ не могъ удержать при себѣ. Правосудіе Бога осудило ихъ на мракъ неизвѣстности. Мнѣ предоставлено право по временамъ вызывать ихъ; но я не имѣлъ никогда нужды въ этомъ; нынѣ, для твоего вразумленія, я вызову нѣкто-

рыхъ изъ твоихъ предковъ. — О, отецъ мой! ты и теперь благотворишь также какъ въ мірѣ. — благотворишь, сынъ мой, одинъ только Богъ, а мы и здѣсь и тамъ исполняемъ только долгъ нашъ въ разсужденіи нашихъ ближнихъ; но міръ имѣетъ свои мірскія права, и наши добрыя дѣла и наша слава не всегда суть слава и добрыя дѣла. Судьбы непостижимыя привели тебя сюда для важнаго вразумленія; ты желаешь видѣть твоихъ предковъ? похвальное желаніе! Бесѣда ихъ будетъ тебѣ поучительна; но прежде я долженъ спросить тебя: ты ведешь войну съ однимъ изъ могущихъ твоихъ сосѣдей? — Такъ, отецъ мой, противъ Россіи, которая *есть непримиримый врагъ народа Мусульманскаго и Оттоманской Порты* (12).

— Здѣсь, въ сей юдоли истины, слова *Хатъ Шерифа* не имѣютъ никакой силы: здѣсь пребудетъ голосъ сердца; повѣдай мнѣ, точно ли Россія была и есть врагъ твой? и не ты ли самъ причиною пролитой съ обѣихъ сторонъ крови? — Я, помня твердо совѣты и опредѣленія Дивана, хотѣлъ повторить

всѣ слова моего Хатъ Шерифа, но къ удивленію моему языкъ мой не двигался. — И такъ, сказалъ Оштоманъ, положивъ руку свою на мое сердце — я тотчасъ получилъ употребленіе языка и такъ, сказалъ онъ: первый и важный вопросъ разрѣшенъ, не старайся оправдываться. Видишь ли ты сіе изсохшее озеро? — Такъ иссыхаетъ *надмѣнная кивливостъ*: мы видимъ съ тобою одно мѣсто, гдѣ было озеро!

— Но, отецъ мой, сказалъ я, мятежи Грековъ... Не продолжай! ты Царь народа и своего и иноплеменнаго. Великій пророкъ нашъ, покоривъ скипшрѣ твоему Грековъ, обязалъ тебя пещись о нихъ и не различать вѣры. Гоненія во всѣ времена укрѣпляли гонимыхъ, а не истребляли и не покоряли ихъ! — Но предки мои...

— Предки твои? прервалъ Оштоманъ; я начну прямо съ сына моего Оркана: онъ первой изъ Султановъ напалъ на безсильныхъ Грековъ, расстроивъ ихъ междоусубными раздорами и началъ гоненіе. Видишь ли эту пустыню. Тѣнь его скипается здѣсь и не имѣетъ

мѣста успокоенія; внукъ мой *Соллиманъ* первый ступилъ на берегъ Европы (13); имя его было славно ужасомъ, и великій пророкъ нашъ жестоко наказалъ его: ему не позволено никогда оставлять нѣдръ земли и вѣроломство на вѣчныя времена начертало имя его на своихъ скрижаляхъ. Послѣдующіе имъ потомки одинъ за другимъ болѣе и болѣе углублялись въ Европу, болѣе и болѣе погружали мечи свои въ крови Христіанъ, въ крови подобныхъ имъ челоуковъ. Увы! они не читали Исторіи. Не знали ни участи Аваровъ, ни участи Атиллы, и успливаясь въ Европѣ на черепахъ убіенныхъ ими, создали престоль своего владычества. Сынъ мой! спроси ихъ участи. Магомедъ II, сынъ Амураша, ужасъ Европы, опинялъ у Христіанъ болѣе 200 городовъ, взял столицу ихъ Константинополь, но наследія моего не сдѣлалъ благополучнѣе; вѣрми: *Атиллы, Тамерланы* и имъ подобные, записавшіе имена свои кровію невинныхъ въ лѣтописяхъ міра, чужды истинной славы и неизвѣстны великому нашему пророку. — Почти 200

лѣтъ какъ Турки начали вести войны противъ Россіи, и почти 200 лѣтъ неудачи сушь удѣлъ Мусульманъ. Сынъ мой! прочти, прочти со вниманіемъ лѣтопись прошедшаго вѣка и нынѣшняго, и глаза твои раскроются. Мечъ мой, который препоясываете вы при вступленіи на престолъ, не есть мечъ завоеванія и гоненія, но мечъ защиты. Смотри какими ужасами наполнены листы Исторіи Оттоманской Порты со времени вашихъ несправедливостей, со времени войнъ вашихъ съ Россіею! Не уже ли опыты не научили васъ, не уже ли не знаешь ты, что крѣпокъ и покоенъ сонъ льва, но страшно и пагубно его пробужденіе и раздраженіе. — Скажи мнѣ, сынъ мой, когда и въ какую войну области твоей не были позорищемъ войны? Когда и гдѣ одерживали Мусульмане побѣду надъ могущими сынами Сѣвера? Давно ли съ ужасомъ произносились въ Турціи имена Суворова, Румянцова, Каменскаго, Кутузова? И ты снова въ войнѣ, столь неравной? Уже ли печальный опытъ не научилъ еще Мусульманъ, что время

Оттоманской военной славы прошекло, и едва ли не безвозвратно: надлежашъ замѣнить ее другою славою — славою переобразования; ты началъ благое дѣло, началъ искоренять зло и предрасудки старины. Продолжай; но спрашисъ огорчашъ несправедливостями могущаго сосѣда. — Какъ! возразилъ я; Великій Оттоманъ, ты повелѣваешь своимъ потомкамъ, побѣдоноснымъ *Шегиншамъ*, преклонить колѣна предъ невѣрнымъ, предъ бывшими данниками могущесивеннаго Тимуръ Аксака и грознаго Баттыя? — Нѣтъ; доколѣ солнце не поидеть отъ Запада къ Востоку, доколѣ рука моя владѣшь будешь, доколѣ конь мой будетъ попирашь землю копытами, доколѣ булава моя не согнется какъ былинка пустынь Аравійскихъ, не уступлю Москвѣ, не уступлю Христіанамъ.....“

„— О! да продлитъ великій Алла жизнь твою правосудный Падишахъ!“ воскликнули въ одинъ голосъ Муфшій, Селигдаръ и Капу-Агаси, павъ къ ногамъ Повелителя. Мудрый Астрологъ стоялъ покойно, погруженный въ глубокую думу.

„Великій Оштоманъ,“ продолжалъ Махмудъ, „покойно выслушалъ возраженіе мое, потомъ спросилъ меня: гдѣ теперь Рускіе? — Близъ Шумлы, около Силистріи и въ Ахалцихѣ. — Сколько ихъ? — Горсть противъ моего ополченія. И горсть принудила тебя уступить Браиловъ, Анапу, Варну и другія важныя мѣста твоего могущественнаго Государства? — Что дѣлать, шакова судьба войны; но съ помощію великаго пророка я надѣюсь собрать подъ священное знамя Магомета еще сильнѣйшее ополченіе и совершенно разбить сонмища невѣрныхъ: уже Великій Впзирь мой стоитъ подъ крѣпостью *Праводы* и хочешь взять ее. — Такъ, сынъ мой, надѣялись и хотѣли твои предѣшники, но судьба войны въ рукѣ Создателя міровъ, въ рукѣ того. Который держитъ вѣсы и измѣряетъ ими справедливостъ. Во всѣхъ войнахъ съ могущій Сѣверомъ, сыны Ислама теряли и славу и области; мечемъ Россіанъ сокрушенъ колоссъ величія и надмѣнности: Наполеонъ. Одного сего опыта уже достаточно для того, чтобы вразумить те-

бя объ истинномъ могуществѣ Россіи. Вѣрь мнѣ, времена Тимуровъ, Батыевъ миновались, и слава ихъ не почитается уже славою. Тебѣ предстоить другой путь и другой подвигъ неизмѣннаго величія: это путь кротости и подвигъ переобразования древней системы твоего отечества. . . . Я вижу лице твое измѣнилось, жаръ честолюбія рдѣетъ на твоихъ ланишахъ, огонь мести блискаетъ въ глазахъ твоихъ; тебѣ невнятны слова мои и шакъ, сынъ мой, смотри и не спрашись. . . . — Въ одно мгновеніе поднялся сильный вихрь, земля подъ ногами моими задрожала, воздухъ сгустился, вдали показались толпами человѣческія фигуры и быстро пролетали они мимо меня кружась и завывая какъ воешь въ трѣхъ ущельяхъ неприступнаго *Гема* (14). Меня объялъ ужасъ, но великій Оштоманъ, кошораго лице, дошолъ мрачное и смуглое, вдругъ прояснилось, держалъ меня за руку и тихо говорилъ мнѣ: *не страшись!* — „Я Амуришъ I, сказала мнѣ одна тѣнь, показывая глубокую рану въ боку. Я побѣдилъ и плѣнилъ Ла-

заря, Царя Сербіи, мечь мой упитанъ кровію Христіанъ, и вотъ рана, нанесенная мнѣ однимъ умирающимъ Сербомъ; не мсти за меня: страшень мечь Христіанъ!" — Тѣнь скрылась, но за нею принеслась шма другихъ окровавленныхъ и всѣ они проклинали *Амурата*. Такъ гоняюшся, сказалъ Отшоманъ, за тѣнію Амурата тѣни невинныхъ, имъ погубленныхъ, и не дають ему покоя. — За Амуратовою тѣнью являлись мнѣ тѣни другихъ Султановъ: побѣдоноснаго Магомеда II, Солимана Великаго, Махмуда I, отца моего Абдуль Гамида, Селима III, и каждую преслѣдовали окровавленные тѣни погубленныхъ ими, и каждая, припомнивая исторію царствованія своего, убѣждала меня не идти по слѣдамъ ихъ, не навлекать погибели опечесству ихъ и смириться предъ могущимъ Владѣтелемъ Сѣвера. Тѣни предковъ моихъ пронеслись, мракъ началъ рѣдѣть, я думалъ, что все кончилось, но, къ ужасу моему, увидѣлъ предъ собою двѣ тѣни: лица ихъ блистали какимъ-то яркимъ свѣтомъ, на шеяхъ ихъ кругомъ видѣнь былъ большой кровавый ру-

бець. — „Махмудъ, сказала одна изъ нихъ, Богъ мстителъ позволилъ намъ предстать предъ тебя и вразумить себя: я Владиславъ (15), а это Императоръ Константинъ; оба мы пали съ честью на полѣ битвы отъ мечей Мусульманскихъ, оба мы были пошомъ обезглавлены; моя голова, воткнутая на копье, была выставлена на позорище въ *Бруст*, а голова Константина въ Царьградѣ. Предки твои не почтили праха вѣнценосцевъ, праха падшихъ во брани; смотри: видишь ли это множество тѣней — это жертвы твоей надмѣнности, твоей жестокости, твоего славолюбія — это тѣни погубленныхъ тобою Грековъ. Ты отвращаешься, ты спрашишься грознаго лица ихъ; не бойся, здѣсь юдоль истины, а не юдоль боя; но спрашисъ: у насъ есть мстителъ и знамена его развѣваютъ уже давно на швердыняхъ твоихъ; спрашисъ, мечь православнаго Царя Рускаго сокрушитъ твои гордыни.

Сокрушитъ гордыню Мусульманскую!
закричали тысячи голосовъ надъ голо-

вой моею. Я упалъ и проснулся, Вотъ видѣніе мое! Великій Муфшій, и ты мудрый Астрологъ должны разрѣшить мое сомнѣніе и располковать сіе чудное знаменіе.

Муфшій, простершись у ногъ своего Государя, началъ такъ:

Великій Шахъ и Повелитель могущественный! сонъ сей есть одна мечта пылкаго воображенія. Самъ Оттоманъ, котораго благость мы прославляемъ, не поступилъ бы благоразумнѣе тебя въ семъ дѣлѣ; видѣніе шѣней, да успокоишь ихъ Богъ, и ихъ угрозы суть ничто иное, какъ тошъ же непостижимый гласъ судьбы, который внушилъ тебѣ мысль ополчиться на враговъ Мусульманскихъ — на дерзновенную Россію, осмѣлившуюся нарушить покой величественной Порты и удерживать руку, карающую невѣрныхъ и мятежныхъ Грековъ. Сей гласъ судьбы напоминаетъ тебѣ, чшобъ ты былъ еще дѣятельнѣе въ защищеніи правъ твоихъ. Тѣни предковъ твоихъ требуютъ мести: повели, Государь! умилоставишь пророка истребле-

ніемъ всѣхъ пльнныхъ Христіанъ . . . . . чистая кровь Мусульманъ требуетъ мести. — Чшожъ скажешь ты, мудрый Астрологъ? спросилъ Султанъ. Государь! отвѣщствовалъ онъ. Богъ снабдилъ человека не даромъ предвѣдѣнія, но даромъ разума; посредствомъ онаго и точнаго, безпристрастнаго наблюденія хода дѣлъ въ листахъ Исторіи, можно иногда предузнавать будущность; но толкованіе такихъ необычайныхъ видѣній разрѣшаетъ одно время!

Въ сію самую минуту вошелъ препещущими ногами и съ смертною блѣдностію Намѣстникъ Великаго Визиря съ пакетомъ изъ корпуса Турецкихъ войскъ подъ Шумлею. Султанъ вскочилъ съ дивана своего, дрожащею рукою сорвалъ печать, быспро пробѣжалъ донесеніе и въ неистовствѣ выбѣжалъ изъ кабинета, приказавъ не объявлять народу о славѣ войскъ своихъ и о намѣреніи внести мечъ и огонь въ страны Христіанскія.

Важная депеша сія, разгадавшая странное видѣніе Султана, была доне-

сеніе о совершенномъ пораженіи Россійскими побѣдоносными войсками Верховнаго Визиря при деревнѣ Кулавѣ близъ Шумлы (16).

Слава Царю благочестивому! слава храброму воинству Рускому!

К О Н Е Ц Ъ.

З А М Ъ Ч А Н І Я.

1. Ашмейданъ, такъ наз. въ Конспаншинополѣ одна изъ главныхъ площадей города.
2. Родъ скуфейки; нынѣшній Султанъ запрешилъ ношеніе чалмы всѣмъ, кромѣ пошомковъ Магомеша и Иманамъ. Фески замѣнили чалмы.
3. Начальникъ бѣдныхъ евнуховъ и гвардейскаго корпуса Серала.
4. Судья.
5. Турецкій монахъ.
6. Придворный Каммергеръ.
7. Первенствующій духовный чинъ.
8. Меченосецъ Султана.
9. Или *Кебле*, озн. часть свѣща, къ которой Мослимы обращаются во время своей молитвы.
10. Имя сіе составлено изъ двухъ Персидскихъ словъ: *Падъ* т. е. хранишель и *Шахъ* т. е. Король или Государь.
11. Оштоманъ, одинъ изъ Эмировъ Султана Иконійскаго, основатель Турецкой монархіи, упоминается Исторіею ошъ 1299 года по 1326.
12. Слова Султанскаго Гашъ Шерифа, обнародованнаго 20 Декабря 1827 года, см. Спаш. журнал. 1828, мѣс. Апрель.
13. Въ 1359 перешелъ онъ Геллеспонтъ, взялъ Галлиполи, ключъ Европы, и далеко проникъ во Фракію.

(

за пограничной зимою
волокам ст.Али реже охота Ка р-
течь В д (-уб -и -точно не знати
ей косули) -о в ладЕти лекарства

все новости сбруй с -от лежанОк
напротИв окТяб-рядом со лБа-б -р
-ус об -Ъятый скворцами в посада
-х рад служить волнорезом

(

что делать мне такому видному
кавалер-дереву когДа -чеРты иска
-жены намеренно тогда походка -
ветвь породы лицо рожденья вся
замок повытерт синюшек из У
-шка (л)иглы условие из вен ни

капли перстень неброский (взят-
ый след с веера
в лесу женщин нет
однако встРеча может послать му

-жающу (в негутиВ изо стропах-
ну моЛодку олеографий город к
-лоНит к лени к оБычьям дамы
того числа (
умея посева) в Торживот неФ
ритовы

не просто вы -Брат ь Ся

(

в лесу желез нет
лаз и осын гнездо-уж не скучно
храм-тропинка зед гобинОт чеГо

вышла батырка лейПестки слышим
слишком ж и д к и к а ч е л и

тут дитЁ Зарев_Ел [предатЕ_ль] пе
-редача стволам Далечение было-
домой отмахнулась наскоро секир
- кой поСлых

п а с е к п а й к а

(

что дар был
я напуган этим балконом здесь
то -поры -в моря смелти мо -ей
балКон замКнут царьбублик паки

пар звЁзд над соснами наВынос
то -скаТерьт самка прошлоГо са
-ма (с утра(подходит то -полем:
выд важ дым енян езам ет или
Вот ноВост., ЦельСия

б а р к а с б а л к а н
но и тонуть не собирался в пр.,:
[яД икий пучОк щеп здесь речь
чУжу не различаю в траве в те-
ни неЖилой] в мурсии на тень наступить
немо жно

ло -дочь хедива бьыла скажем до
-бра показывая кус+t лаВаша то
долгому стражнику в цинке стать
-я -ной клинки сплошь то мин -и
-а -тюрка из сока п р и б о р ы

(

1999-2001

Гео Т. Махата + Ти Хо ! (р-р.) муштатов: з а п и с к и

Гео Т. Махата:

второклассники ездили с горки на ящиках из-под молока а третьеклассники на картонных листах от телевизоров мышкующих сов мы называли орлами в подсобке бронетранспортёр а на кухне покрашенная лампочка 75-ого я потерялся когда смотрел на космодром сошёл с витрины и переходил с людьми не сам по зебре а во дворе играли в казаков-разбойников с крапивой бегали секли ноги стёкол и оказалось что дома пока всё

Ти Хо ! (р-р.) муштатов:

2 класс набит доверху вагон сы(ворот)ка стол испытатель серебро от копытца ударилось в правила поведения в бассейне послевоенном запись губы скол на прикладе отталкивают всё что выращивал укрывал от жёстких лучей от града размером с яйцо с дом с любовь фестиваль 3-х полушарий можно сказать птичьи откидной воздух куда-то вниз крылья недоеденным ночным лишним витком беговой шинковкой бутонув ступенькой под дых

Татьяна Бонч-Осмоловская: Леонардо Пизанский

август

башня

варвары василиски

грифон гипотеза Галилея

давний диктат диалекта диспуты Диотисальви

елей ехидство епископов епитимья естествоиспытателя еретика естественное единомыслие

жалеть жалить жучить жестокость желанный жанр жаропрочность жар-птицы жизнерадостность жертвенной живности жадность жулика живописца

затворник зазевался за завтраком заслуга знаменитого зодчего зоркость затейника закономерное заблуждение заподозрить законсервировать затемно зато затишье землетрясение затмение защиты заблудших заступница

итак итальянцы исступленно исследовали изучали изумляясь избыточности игнорировали избавление избегай идеалов идентичной импровизации идиотских идиллий интерпретации интонаций исполнители ин-куатро ин-фолио и ин-октаво исключительное изобилие исполины Инсбрука интерференция искривления изгнание изгоя изоляция изымай исповедуйся исподтишка

когда координаты кончаются картонной карты контуры комплексных компонент канделябры комбинаторные копии колоннады круглосуточных культов концентрические карнавальные кольца как какой-то калейдоскоп кульбит кульминация кванта квинта квинтет колодец конечно крошечный ключ к кабинету кстати кавычки крест-накрест корсет косолапо курсивом контраст коварно коверкали кренилась косила кроил колотил коллапс керамической книги компромиссы красавиц крик крах крой Кампанилла кладбище Кампосанто

лазурь ласковых ласточек любое либретто лампада линза лужа лужайка лирические лоскуты луг листья лужайка лужа лампа ландшафт луговые легкие линии ленты лучезарный лимон летучие лепестки лаванда левкой лебеда лютики лирохвосты лунная луковица любопытные львы легкие локоны лапоть ласкать лихорадочно лаять лечить липкими листьями лицемерие лачуг легкомысленно лицезреть лицедеев лепет лемма лавина любительский лексикон ложная ломкая лестница ложбина лужа лампада лохматая лошадь лишайник лопух лабиринт лебеда льдина лодка лекало лавровое ложе ложь лишь ловкая логика лишние латиняне легионеры личинки лить ливня легенды лагун ласка ладоней лакуна лукава ленива летальна литература

между молочным молчанием мяуканьем малышей мишурой малокровной молодости между монотонностями материнства мнимой мудростью многообразием мутной морали мануфактурой манер между многоголосием маркитанток мелочностью мизантропов машинальной мольбой между монументальными монументами мизерными миллиардами миллионами междуоусобицмнительныхмеждущарствиймногочьеммонарховмежреберной меланхолией морокмор месиво мрак мелькают мерные маятники мчится металл мгновенно мутнеют монеты мигрируют метеоры маяк мутит мрак монотонной мыслью минимализм миновал меандры медные монстры медлят мечтают маэстро метрономы меняют минор мимо мажора минус минуты метафоры меры мистификации место местоимения монах мнется молчаливой мелодией мастера милосердие монстр мореплаватели меридианами мадригалами мужественно мигрируют мыслью мизерной магии мокрый мим молвил магу мечтатель Матфей меняет мелодию мемуаров муть манускрипт молния молоту мало мутное море мирт медуза Медичи мраморная мозаика мнимый минималистский мотив мавританские мастера молотый мак медуница мягкая мята маслиновая мечта моцион монотонный маршрут Мадонна морочит мистика милейшего математика мирный миф музыка мнемотехники меряют медяки мировой мелкой монетой музей матронеум

на ночь няня нашептывала наговаривала нечет ненастье неудача несчастье напоследок напороочила ненасытного незнакомца неотразимого норовистого наездника налегке немедля намолотила насолила нажарила накопила накрошила нарезала наготовила назавтра натопила наконец небрежно напудрила носик нарумянилась нарядилась некто на ночь накрыла напоказ накормила наливала наливку напоила напевала неспешно напевно нахваливал награждена наготовою невинною непорочно нежною недолговечной неяркой никчемной наутро наскучила навсегда насладился нахмурился нырнул невидимкой нет никогда нет надежды наконец наревелась наметала наскоро наугад надшила накидку накрахмалила набело недолгое недомогание незамысловатый неотступный недуг насущный навык наточила ножи наметила наискосок неровно надрезала настезь намертво но невинна найденыш недоношенный неполноценный ничтожный нищий непоседа неприязнь недомерков непритворная ненависть непродолжительно неразлучны неувязки

неубедительны но невзначай нашептала намекнула научила напоила надеждой набрался наставлений несмотря на нищету научился несчетным наукам немало набрался наставлений небожителей намеков наставников непрошенный наблюдал набухал незнакомыми навыками набрасывался нетерпеливо на науку насаживал наугад насекомых нюхая нашатырь неотлучно непоколебимо находился наготове наверно ненавидел наследство незаслуженное непроницаемо накаливал наудачу нагревал навьючивал наносил неотвратимо необдуманно неопишимо навсегда непокорный нездешний наивный начертил непрерывный наклон назло напоказ накапливал натиск набавлял невзначай налево направо напуск незаметный но нарочитый на небо недаленое недавняя наледь набухшая набок накренилась назидание неверным невеждам намек настояние нерасторопным но неувязка неумышленная неуравновешенность неустойчивость наверно назавтра наземь наперекосяк натрое наполоам недолговечно надул надурил неважно невыносимо недружелюбие недоучка народное негодование недовольство народное недоверие непоправимая неприязнь навсегда нежданно негаданно навсегда навсегда наказание не назначено но неуклонно несдобровать не наестся не напиться напоследок не надышаться

очевидное отклонение от однажды оговоренного ориентира означает ошибку охотника обморок обнуление ожиданий омрачает очевидную одиссею оговоркой отбивкой одумайся общительный отрок оболгал оцарапал опорочил оборванец оговорил оборотень омерзительный отвратительный оборотень обман ослепляющее оскорбление отныне он опозорен оглушительная оплеуха определенно отъезд он опаздывал обернулся отважился обеспокоился оркестр отыграл опус Отто Ольссона отрывок обрезок опустошение отныне он обречен опозорен отчаялся одиночество отныне обособленный обрубок обезумел одиночество один отныне одни оводы отраженных орнаментов обезьянье откровение обочина образа огонь обнимает остекленевший остов осталась одна обложка охотник охает обнаруживая обвал обход объезд он оступился отменное ощущение он озирается осматривает обстановку отдышался обнаруживает ошую ольху остролист олеандр одесную осину орешник отару одичалых овец около орешника озеро облако опасный омут откос отлогий овраг охотник ободрился он оседает около озера он остепенился окапывается обретает обожаемые оковы оболочки облика одежды обуви обыкновенного очага он обзаводится обязательным одеялом окошком оградой одышкой ожирением огородом отменными овощами облагораживает окрестности одомашнивает отару овец озабочен озеленением осознает обретение опыта он обожает овец особенно овец опьяненных отваром озимых он обожает овсянку отчего овсянку оговорка он обожает обильные обеды отварных омаров оленину отбивных осьминогов обжаренные орешки овсянку опять опостылевшая овсянка опять опять овсянка он откидывает остаток отвердевшей овсянки о омерзительная он осознает одиночество опыт острога опять он одинок очень одинок он одичал оглупел окостенел ожесточился озлобился обаяние окоема обнадеживает он отдохнет отоспится он отрешится

от обид от острога обетованного он отстранится он однажды он обнаруживает около озера обольстительную одалиску она озябла она обессилила около озера около омута она ослепла обледенелое озеро остается основой она оступилась она оглушена он осторожно осматривает ощупывает одалиску ободряет очаровательная одалиска он опален обаянием отравой огненным осознанием окончания одиночества омоложения он осознает ощущает одобрение ободрение отвердевание окрыление он обучает обворожительную одалиску объясняет основы она отвечает односложно однотонно одногласно она одаривает охотника осторожными объятиями обнажается опрятно очаровательно отважно он оберегает одалиску от огня от опасностей опьянения от овечьей оспы от озверелых ос от остроклювых орлов от огнестрельного оружия он обдумывает обвенчаться отслужить обедню осушить озеро очистить овраг от омерзительных отходов он обдумывает отстроить обсерваторию окончить оду ораторию оперу оригинал орфографии основать обитель остановить оползание оврага обмеление озера осыпь откоса однако однако она одновременно опухает оплывает оседает опадает отбывает окаменевают он остался один овдовел отчаялся окончательно ополоумел озеро обмелело овраг отсырел овцы одичали опрометчиво околели осталось одно обледенелое отражение отзвук отсвет

первые признаки падения памятника появились после полноводного паводка поджога популярного портика проб пороха противоречивого происхождения проклятия порочных порядков предостережения портрета падежа пугал по пшеничным полям пропажи пчел пасечника Пантомония прорастания папоротника по периметру плаца прочих подозрительных происшествий потом печальный певец предсказал полную пакость появились пустозвоны паломники поместили педантичными патетическими примечаниями папирусы пантеистов перепугали поджарых пиратов первооткрывателей призрачных пригородов предсказанием пандемии паническим предвкусием предзнаменованием пониманием предопределения Петра пробоина пауза проблема понимания простейшего предложения положим полнолуние предрассветный полусумрак протагонист проходит по прекрасному полу палаццо прямоугольные плитки положены параллельно порогу протагонист прогуливается по палисаду перелистывает преподнесенную позавчера поэму полную преувеличений перегруженную плеоназмами пугающими пророчествами причудливыми прорицаниями примитивными противоречиями пустотами пропусками пробелами протагонист подумывает пересказать поэму придумать пародию праведное продолжение пронзительную притчу перечеркнуть половину половину переписать пусть просияет по подлунным просторам пусть призовет пожар просветления пусть прорастет прозрением пусть призовет прощение павших пусть пусть протагонист приостанавливается пристыженный понимая порочность праздность проекта поскорей позабыть предосудительные парадоксы протагонист проходит по подземному переходу поджидает прислушивается попугаи перепуганные прибытием пиратов

притаились прочие птицы примолкли приостановили пение протагонист поглаживает пеликанов породистых перелетных птиц простых печальных пингвинов пеликан протягивает протагонисту припухшую перепонку покорно переживает продолжительную перевязку протагонист продолжает прогулку постригает плющ полдень принимает парад победителей путан полукровок придурков пишет письмо потомкам пагубная привычка поэзия проза проклятый пентаметр поправляет почерк проверяет печать приправляет парой простых палиндромов перчит перманентной полиметрией пакует пакет пересылает потом плачет прозрачно пытается поспешить перекручивает плотную пряжу полноправный простор полотна предчувствие потепления приказывает принести пистолет перевесить полотна проторафаэлитов по пятой преступной палате постричь простите просто потом подравняйте пинии плаца Петра по проспекту Петрарки после пресного полноводия перешейте перламутр по плащу португальца посланника причудливо перестройте палаццо прочтите почтенное пятикнижие певучим протяжным порядком пропуская параллелизмы параграфы полные перифраз переспрашивая повторяя примеры признание поклонение помолитесь пророку потом патриарху перевозчику переводчику первородному пеликану печальные предки провожают пары жертвований прекрасные подношения почти полгода полыхают по полнолуниям пятимерных пространств преимущество плеоназмов преследователь предъявляет претензии происхождение принципа первенства пленительное прикосновение память пристрастие павших подстрелив пятьсот птиц путник пугается пчел предлагает приятелю приютить противную псину пропадает притворно проезжает пустым переулком птицелов поднимает пустые пути почесывает пупок прочищает пыльную прялку подзывает подкидыша преподносит парню пять пушистых птенцов пространно прощается понимает причину популярности предположений провинциальных прорицателей певчих птиц перебранка профессора Пьеро Пьерроти по памяти понаслышку прощальный поклон промерзшая прорубь подпочвенное происхождение плотных пород подготовленные поверхности просадка произошла при процессе просачивания по периметру препятствие прерывистых приспособлений природа покоя применение пантомимы плугом пахарь по полю под пальмами по просторной пампе по полнородной пашне палиндромным путем по прямой поперек последовательно по прямой практичные проектировщики приостанавливают построение полмира продолжение предел послушание предзакатный предлог пятьдесят пять процентов плюс прочие пятьдесят пять предложение пира приятное препровождение пари проигрыш препирательство перебранка позор потасовка пугающее происшествие преступление пожар полнолуние полночь поединок полоумный придурок псих попугай последняя папироса промах промах промах попал прекрасные пышные похороны панихида по покойному параноику проводы продолжались полгода плач поцелуи преступников печаль палачей проклятия пророков поклоны предателей пакостное прикосновение последнее пленительное путешествие по прямой под подвал прощайте прямиком по пути памятливых предков под пантеоном прозрачный прямоугольник прочные пути посмертная поза последний покой падал прощайте поздно подлый

процесс пошел прах протянуть подношение паромщику передумать подумать
пустое послышалось пожалуй послышалось призыв просто послышалось
простонал приглушенно пугливо потом послушно прозрел почувствовал пора
просветления понял паутина повсюду пыль пауки под потолком патина плотная
пелена паниковать прокричать помогите помолиться прочитайте по памяти пару
псалмов понять потихоньку пойти ползти парадокс переводчика пошатнуться
принять первородство попроситься ползком постскриптум проскользнуть
прокопать по палец по щиколотку понемногу прорыть прокусить поначалу
прогнившую перекладину проломить промысел потом по грудь провалиться
перемещаться по пятницам по полной ползком пешком по пещере прорваться
по перегнутой пройти подземельем проявиться промчаться пронестись
привидением призраком признанием падшего потом примолкнуть произойти
прозвучать под прочным прекрасным полом похоронен писатель Пизанский
по прозвищу

сын Боначчи

по имени

Леонардо

Татьяна Бонч-Осмоловская: Признание моей капитуляции

Мысль о написании этого текста возникла при посещении города Пизы, где в соборе-кладбище Кампо-Санто похоронен математик Фибоначчи. Там же стало ясно, что текст должен в своей основе иметь строгую математическую форму, соответствующую самой знаменитой математической последовательности героя - последовательности Фибоначчи. Спираль Фибоначчи все время была у меня перед глазами - ей можно любоваться, как бегущей водой и горящим огнем, всегда.

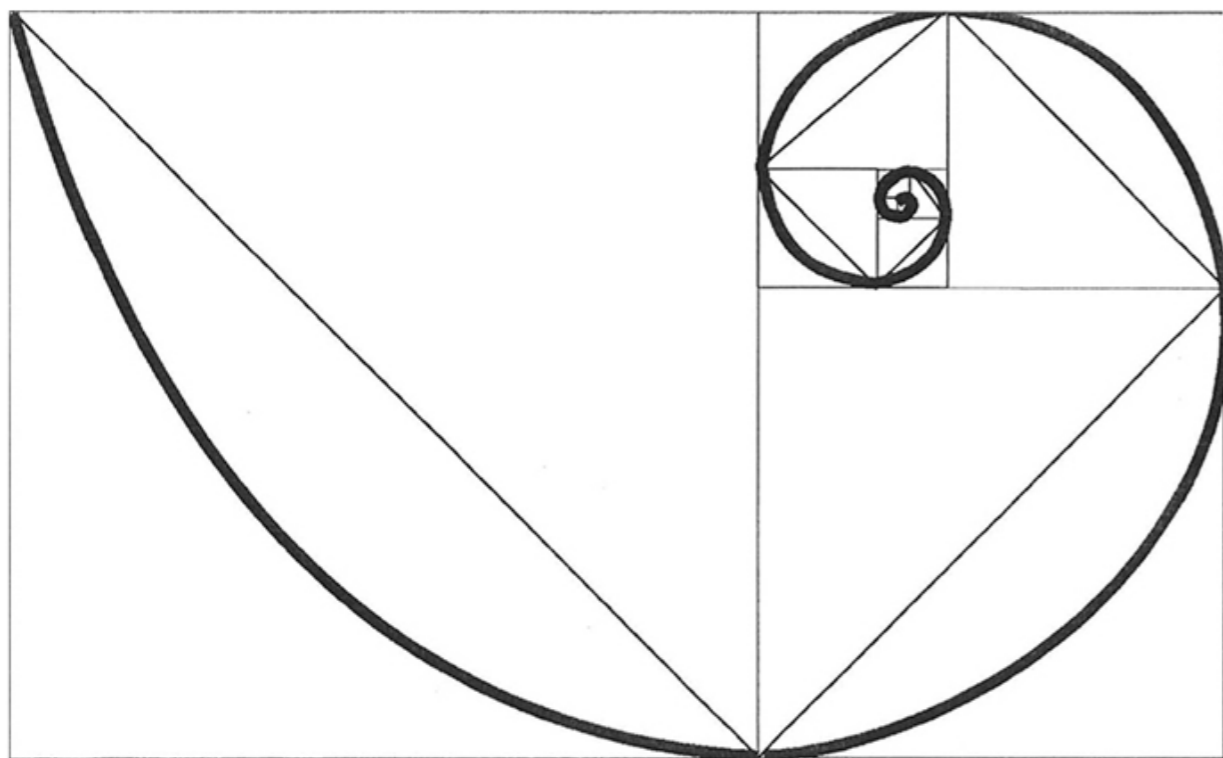
Далее я начала заполнять эту улитку. Ограничение алфавитара легко легло в заданную форму возрастающей последовательности слов в строфе. И то, что текст стал говорить сам по себе и сам с собой, тоже было нормально. Можно сказать, что это не укладывается в привычные рамки, что таких стихотворений не бывает, что их не было - да, насколько я знаю, не было. Но было объяснимо в принципе.

Что не ложилось в указанные и ни в какие рамки, это то, что спираль отказалась быть бесконечной - она стала закручиваться в замкнутую конечную фигуру. Дело, конечно, и в том, что букв в алфавите конечное количество, и задумывая бесконечную спираль я просто позабыла, что дойдя до конца алфавита, буду вынуждена остановиться или вернуться к началу. К тому же, логичнее было бы остановиться через 20 шагов, на букве «Ф» как начальной букве имени автора, а не на себялюбивой «Я».

И написание текста со все возрастающим количеством слов на каждую букву: а1-б1-в2-г3-д5-е8-ж13-з21-и34-к55-л89-м144-н233-о377-п610-р987-с1597-т2584-у4181-ф6765, конечно, вызывали трудности. Последняя такая строфа заняла бы около 600 строк или десятков страниц мелким шрифтом. Хотя для строф, требующих сотен слов на одну букву, написание строфы занимало не такое долгое время, где-то два дня - после медитации над словарным содержанием. Вот медитации стала занимать все больше и больше времени, и на сегодняшний день мысль о строфах с тысячами слов внушает мне не радость, но ужас.

Так что этот текст - признание моей капитуляции.

Быть может, временной, быть может, я вернусь к нему когда-нибудь и допишу хотя бы до буквы «Ф», определенной вульгарным написанием имени математика. Пока же его подлинное имя, Леонард Пизанский, замкнуло бесконечную спираль в кольцо - личным именем Леонардо, определившим первое слово в названии стихотворения и последнее слово текста, и родом Пизанский, определившим основание завершающей строфы текста и второе слово в названии.

Анна Хромова: Орнитологические исследования

МОЗАИКА С ДВУМЯ ПТИЦАМИ

Во мне не осталось веселья.

Ты знаешь, я как персонаж толстой книги, написанной в стиле магического реализма

– голубоватая твердая обложка и фото древней мозаики с двумя птицами под именем автора.

Там на девяносто шестой странице будет написано обо мне так:

“Она утратила все веселье, которое

обычные люди носят в гортани, а некоторые – за левой щекой.

Она глядела на людей глазами армянской плакальщицы, умершей в Константинополе в год большого пожара,

и оставившей после себя четверых сирот и козу, не дававшую молока, зато всегда знавшую, откуда завтра подует ветер”

Да будет земля пухом этой козе.

Она была славным животным,

умела сторожить дом и показывала фокусы детям:

вставала на задние ножки и давала откусить зажатое между зубов кислое яблоко.

А дети, прижитые от четверых греческих матросов по имени Анаклетос, когда коза умерла от старости, разбрелись по свету.

Каждый пошел вслед за своим ветром, дувшим со своей стороны, и стал торговать своим товаром.

Старший брат – войной.

Старшая сестра – исцелением.

Младший брат – музыкой и страхом.

А младшая сестра – памятью о прошлой жизни. Когда покупателей у нее совсем не было и в кармане не оставалось ни гроша, она прирабатывала повитухой.

А мне бы, ты знаешь, сидеть на берегу: молча, погрузив ладонь правой руки в песок.

Мне бы петь научиться.

И родить бы еще детей.

И шептать бы им такие колыбельные, от которых у обычных людей ком в горле,

а у некоторых – роса на языке.

ЯЗЫК ПТИЦ И ЦВЕТОВ

Ранним утром 16 мая 1898 года Висента Лорка Ромеро открыла окно и выглянула на улицу.

Воздух так сильно пах цветами лимонов и жасмином, что ей пришло в голову слово “вихрь”.

“Вихрь ароматов, как только никто от него с ума не сошел” думала Висента Лорка Ромеро,

глядя, как голуби лениво подбирали какие-то крошки с уже теплой от солнечных лучей брусчатки.

“Самой бы не сойти” думала 25-летняя школьная учительница Висента Лорка Ромеро, стоя у окна.

“Но я не могу, я уже не могу”

Правда, мать говорила ей, что это в порядке вещей, что в ее положении женщина всегда сама не своя.

“Нет, нет, это не из-за тебя, ангел мой” –

Висента Лорка Ромеро покраснела. (“С кем я говорю, безумная женщина”)

“Это все лимоны и жасмин, лимоны и жасмин, от них недолго голову потерять”

Висента Лорка Ромеро шумно выдохнула и отошла от окна.

Она скрылась в полумраке комнаты, и голуби больше не могли ее видеть.

Цвели лимоны.

Цвел жасмин.

Гранатовые деревья прятали в листьях первые бутоны.

ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

слова повисают в воздухе

молотят его крыльями

сбивая из расстояний

вязкую дрянь полусна

хлопают крыльями хлопают

грохот раскаты тьма от них

навязчивая забитая грохотом темнота

слова повисают а тени их

кромсают пространство крыльями

кромсают пространство клювами

стремятся летят скользят

слова повисают а тени их

добираются до назначения

и вьются и вьются и падают

и вьют и садятся на

полки и на подоконники

на картины на пол на светильники

в шкафах уже мостят гнезда

прививаются здесь навсегда

вот их неподъемные гнезда

с глухим сладковатым духом

а в каждом гнезде устроилась

непроглядная тишина

Анна Хромова:

А вот записка.

Всё как на духу

Это, скажем прямо, плод кризиса и поисков наощупь.

Не знаю, насколько это заметно по самим текстам, но я ведь знаю историю их написания и, думаю, она там у них внутри. Я же пишу все-таки на украинском. И когда-то сделала этот выбор вполне сознательно. Выбрала язык, как выбирают музыкальный инструмент. Но язык, он ведь больше. (Наверное, я так думаю. На музыкальных инструментах я никогда не играла. Но язык это очень много.) И вот в тот момент моей жизни, когда понадобилось заново отвечать себе на вопрос, кто я, что я, разуверившись во всех своих выборах и установках, я стала пробовать: вслепую, на ощупь, на вкус, на звук другой язык. Что сказать. Мне в русском слишком громко, слишком пыльно. После года экспериментов я уgomонилась, разобралась с какими-то из вопросов и вернулась к украинскому. А тексты эти остались.

Такие вот сбоку припека.

И.Зандман: При ближайшем рассмотрении оказывающиеся

Долго. Тщетно. Связаны ли тщета и долготы усилий, с коими пытался я вставить в список интересов вещи, при ближайшем рассмотрении оказывающиеся дерьмом, а) между собой; б) со мной; в) с дерьмом? Нет, я не задаюсь вопросом, не всё ли едино? Этим пусть займутся другие. Другие – други. Враг – это ты сам.

Нет, я просто записываю здесь, то, что не удалось записать там. Моя склонность к слову *просто* при отсутствии простоты представляется мне не более подозрительной, чем отсутствие *вещей*, при ближайшем рассмотрении оказывающихся дерьмом, в списке интересов. Интересов? Я не ошибся? Постоянное прислушивание к себе заставляет с подозрением относиться к каждой произнесённой сентенции, к каждой проскочившей мысли. Подозрительность же постыдна. Откуда эта оценочность, это вечное морализаторство? Только ли покойной матери я обязан этим обременительным наследством?

Оставь, Зануда.

Хотел написать о вещах, при ближайшем рассмотрении оказывающихся дерьмом, – пиши. Всегда следует делать, то, что хочется. Хочется? Следует? Опять же, делать?

Это был мой отец, да продлятся дни его до ста двадцати одного! Это он произнёс ставшую сакральной фразу моего детства: «Глупый, да зачем тебе это дерьмо?» Дерьмом были кукурузные хлопья, смиренно и, вместе с тем, вызывающе, золотившиеся в маленькой хрустальной вазе, среди пост-хрущёвских дней изобилия, царившего на праздничном столе Шустеров. Я любил дом Шустеров, просторный для меня, привыкшего к нашим 9 кв. м., и приветливый, где я первым делом получал, а если забывали, то требовал, шкатулки, палехские лаковые и индийские резного сандала, полные бусами, ожерельями, кулонами и цепочками, немедленно надевавшимися на мою, уже тогда, не слишком тонкую шею, все, разом, во всём своём великолепии. Сравниться с домом Шустеров мог лишь дом Данилевских, где молодая тогда, моложе моих родителей, и как бы живая ещё хозяйка предоставляла в

моё распоряжение китайские перламутровые и египетские золочёной кожи ларцы с пуговицами. Круглые, квадратные, шарообразные, ромбовидные, треугольные, розочками. Перламутровые, пластмассовые, нелюбимые прежде, бесценные днесь костяные, обтянутые кожей – от поясов и жакетов, и шёлком от блузок и блузочек, тупорылые – от наволочек и пододеяльников, прельстительные стеклянные, отталкивающие, всегда, даже в те годы моего натужно мальчишечьего милитаризма, отвращавшие медные, бронзовые, с позолотой. Они тоже при ближайшем рассмотрении оказываются дерьмом, теперь я могу свидетельствовать с уверенностью. Теперь, когда в моих шкафах громоздятся коробка на коробке, плохо закрывающиеся от переполняющих их *сокровищ*. Да, я не побоюсь курсива, курсив, возможно, единственное, чего не побоюсь, воспользуюсь и кавычками, всему своё время. Я ещё и смайликов понаставлю, помяните мои слова. Круглые, квадратные, шарообразные, ромбовидные, треугольные, розочками. Перламутровые, пластмассовые, бесценные днесь, нелюбимые прежде костяные, обтянутые кожей – от поясов и жакетов, и шёлком – от блузок и блузочек, тупорылые – от наволочек и пододеяльников, прельстительные стеклянные, отталкивающие, как и в годы моего натужно мальчишечьего милитаризма, отвращавшие – медные, бронзовые, с позолотой. Срезавшиеся с каждой тряпки, попадавшей под руку, выклянченные у случайных знакомых, наконец, купленные, купленные. Дерьмо.

«Играл на рояле. Ел дерьмо» – писал в дневнике Фридрих Ницше. Я наткнулся на эту цитату в одном из дневников Живого Журнала. В тот же день, когда начал запись об оказывающемся дерьмом при ближайшем рассмотрении. Через день в другом дневнике появилась запись «Не всё то золото, что молчит». Под шапкой «Молчи, скрывайся и тай». «Я увидел души нескольких человек, евшие дерьмо, людские выделения, мертвую плоть и грязь», – процитировал кто-то ещё книгу о праведном Виразе. «Дрек мит пфеффер», – отозвался четвёртый. А следом вне всякого контекста вспомнил слова Хоспода в изложении Шнеура Залмана в переводе Ходасевича: «Я перцем стал в устах иных народов – \\\\И в этом вечное отмщение моё!»

Не сомневаюсь, что поройся я в недрах ЖЖ, эту цепочку можно было бы удлинить многократно. Именно не ведающая сомнений вера сия и подвигла меня, стало быть, на. На подвиг? На подвижничество? На подвижку льда? Да.

Лядащий труд мой золотарный. Или золотушный. Золотуха, интеллигентно именовавшаяся диатезом, донимала меня долгие годы. Я, однако, не собираюсь донимать читателя, превращая это повествование в многотомную историю болезни, тем более, что для создания подобного монумента у меня не хватит данных, так как сразу после смерти матери вместе со своими старательными письмами и школьными грамотами я сжёг и праобраз потенциальных анналов, серенькую тетрадь, распираемую неразборчивыми

записями и выписками, вклеенными мятыми энцефалограммами* и результатами анализов.

***[Энцефалограмма поможет определить диапазон одаренности**

В «Журнале прикладной психологии» опубликованы результаты использования ЭЭГ при диагностике музыкальной одаренности.

Сравнительный анализ энцефалограмм студентов музыкального вуза и немусыкантов выявил существенные различия между ними: у музыкантов обнаружена большая синхронизация биопотенциалов в разных отделах мозга, преобладание деятельности правого полушария и высокая частота в диапазоне дельта-ритма (низкочастотные колебания, которые у обычных смертных возникают перед сном).

Более того: энцефалограмма способна уловить различие и в степени одаренности. Авторы исследования предлагают сделать энцефалограмму дополнительным инструментом при отборе наиболее одаренных кандидатов в консерваторию.]

Кукурузные хлопья засоряли кишечник. Или желудок? Или и то, и другое? Так же как и семечки, тыквенные и подсолнуха. Правда, тыквенные обладали глистогонными свойствами. Правда, об этом заговорили, если не ошибаюсь, позднее, когда глистов уже прогнали. Правда, тыквенные я не слишком любил, хотя и поглощал при всякой, редкой, отмечу, возможности со смесью алчности и брезгливости, почему и опоздание, с коим пришли соображения о пользе продукта, не слишком меня беспокоило, разве что, прибавляя дополнительных оттенков брезгливости моему аппетиту. Я слышал, что в областях, где арбузы и дыни не были тем обманчивым сокровищем, столь многое обещавшим, и столь редко отдававшим обещанное, сокровищем, которое я ценил не меньше, чем броши и серьги, мерцавшие всеми цветами нефтяной лужи под стеклом на прилавке дачной галантереи, арбузные и дынные семечки тоже сушились и шли в пищу. Меня несказанно удивлял тот факт, что у нас, где любой арбуз, который рекомендовалось подсаливать, дабы извлечь из него хотя бы воспоминание о сладости, любая дыня, на которую приходилось расходовать мёд, были праздником, в нашем доме, где всякая малость шла в ход и добродетелью считалось из чёрствого начавшего плесневеть хлеба, предварительно сняв с него корку с белёсым налётом и присыпав солью, засушить сухариков к бульону, никто не собирал ни шоколадные чёрно-коричневые арбузные, ни скользкие жёлтые дынные. Кукурузные хлопья всё же

удостаивались снисхождения, по крайней мере, летом, на даче, их дозволялось изредка покупать ребёнку в сельпо рабочего посёлка, куда отправлялись за хлебом, постным маслом, хозяйственным мылом и молоком. Если ребёнок присутствовал при покупке, коробка с вожделенными скорлупками выдавалась ещё по дороге домой и по возвращении только и оставалось, что со страстным вниманием слюнуть правый указательный в надежде собрать до последней песчинки сладкую труху, забившуюся в щели.

«Глупый, да зачем тебе это дерьмо?»

Уже сидя со взрослыми за праздничным столом Шустеров, в ответ на «А тебе что можно предложить?» робко прозвучало: «Дайте мне, пожалуйста, вон того дерьма!» к вящему веселию присутствовавших.

Перечитал страницу и обнаружил, что трижды нарочито употребил слово *правда*. Следует ли из этого, что всё прочее написанное и ещё не написанное здесь – ложь? Что, например, с монпансье, которому в полном соответствии с эссенцией его имени, я мог бы посвятить роман. «Монпасье», роман И.Зандмана. Это вам не булгаковское «Театральное драже» и не «Морские камешки» Станюковича, за монпансье я продал если не душу, в которую верил, не право первородства, на которое, увы! не было претендентов, то зубы свои мудрости млечной и белизны сомнительной, о коих предпочитал не задумываться. А глисты? Что с еженощным ритуалом поимки глистов, чуть ли не при свече, когда уже после первого сна я начинал корчиться от непереносимого зуда в попе. Да, это так тогда называлось. Неразлучная пара – попка и пипка – доставляла мне немало неприятностей о ту пору. Доставляет их и сейчас. Задний проход и анус пришли много позже, когда я вздрагивал от слова *глиста*, употреблявшегося по отношению к особо тщедушным из моих одноклассников, гораздо мучительней, чем при ласковом слове *очко*. Тёплый умеренный свет настольной лампы снятой с отцовского письменного стола отбрасывал извивавшиеся аскаридами чёрные тени, чьё присутствие я скорее сознавал, нежели видел, поглощённый собственными переживаниями. Отчего же мне помнится, что я наблюдал за неуловимым движением крошечных белых червячков, стремительно исчезающих во мраке? Отождествлял ли я свой страх перед неумолимо приближавшимся в маминой руке, царапавшим уголок туго свёрнутого платочка, с их страхом исчезновения? Правды мне не узнать, да и стоит ли, ежели задуматься. Следует ли мне равновесия ради, начать три следующих предложения словом *неправда*? Неправда ваша. Неправда, что правда воспоминаний отличима от лжи. Неправда, что мой отец употребил слово дерьмо. Он его никогда не употребляет, тем более при ребёнке. Я прекрасно помню,

как он сказал: «Глупый, да зачем тебе это барахло?!» Но разве это что-нибудь меняет?

Снился город Тихвин, невиданный никогда и никем. Он был на диво хорош. Расходившаяся двумя рукавами смирительной рубахи река вязала его растроенное тело. Доходные дома конца-начала толпились вокруг XVII-вековых церквей.

Прежде мне снился город Киев, там я встретил свою другую бабушку. Другая бабушка умерла, когда мне не было ещё и года. Город Киев был весь – золотистый купол воздуха и вязы. Я ни разу не был в городе Киеве, но долго собирался спросить у матери, не бывала ли там бабушка. Так долго, что мать успела скоропалительно умереть. Она тоже ни разу не была в Киеве. Теперь я могу узнать только есть ли в Киеве вязы.

Я не знаю, почему я пишу это. Но я догадываюсь, отчего я пишу это здесь, в Живом Журнале. Частота совпадений в несколько раз превышает здесь...

Я отвлекся и не помню, о чём хотел написать. Возможно, о частоте употребления местоимения первого лица единственного числа и всех его производных. Она в несколько раз превышает здесь привычную для меня в жизни. Я хочу предаваться спекуляциям

Я хотел написать, конечно, я не хочу, однако написав, то что написал, я уже не хочу ничего менять. Все эти *хочу* и *не хочу* не так много значат. И хотя слово *нехочу* и признавалось моей матерью в отличие от слова *немогу*, как воплощение моей злой воли, как таковое оно потеряло для меня особый смысл. Нехотя я употребляю слово *желания*. Их всегда три и они отменяют одно другое с лёгкостью необычайной. Я никогда не любил колбасу и дразнилка «как у сони на носу черти ели колбасу, чай пили, кофе пили, по-турецки говорили» завораживала меня скорее филологическими дарованиями бесовской братии, от случая к случаю, сменявших свой разговорный турецкий на китайский, японский или французский, а более того потрясал меня факт заменяемости половины составляющих сего текста. Вереница приклеившихся к этому золотому гусю Сони-Тони-Толи-Коли-Оли-Али-Вали-Вани-Тани-Ани меня не слишком удивляла, но каким образом туда же отправлялись и Наташи с Володями – оставалось для меня совершеннейшей загадкой. Не говоря уже ни по-турецки, ни по-гречески о смене трех холодных котлеток на две солёные конфетки или о замещении только что помянутых наречий древнеперсидским.

Я не хотел ни колбасы, ни кожаного гультфика плотно набитого золотишком, золото я не любил и на то у меня были свои веские причины.

Должно заметить, что металлы отличаются друг от друга только своими акцидентальными (внешними) формами, но отнюдь не эссенциальными (сущностными), – говаривал Марии Поппине Альберт Великий. Какая чушь! – отвечала ему разгневанная дева.

– Люди гибнут за металл, Сатанатом правит бал! – пел дядя Шаша, производя на меня неизгладимое впечатление не столько красотой исполнения, сколько вышеизложенными фактами – готовностью людей гибнуть за металл и существованием Сатанатома, правящего бал. Теперь трудно сказать с уверенностью, пел ли дядя Шаша, слова либретто Жюль Барбье и Мишеля Карре в переводе Петра Ивановича Калашникова или цитировал Льва Кассиля, но факт остается фактом: «Швамбрании» я еще не читал, но слово анатом было мне откуда-то знакомо. Само слово *правлящий* было удивительно и многозначно. Бал же он правил в Царстве минералов Отто Юльевича Шмидта из бесценной книги «Царства растений и минералов» 1913 года издания. Я же всегда был равнодушен к балам. Барыня прислала сто рублей, вы поедете на бал? – на несколько лет стало заклинанием. Я быстро научился обходить подводные камни «чёрно-белый не берите» и «да-и-нет не говорите» и приставал ко всем в надежде вновь и вновь погружаться в бездонное забытие «Поиграем в барыню-прислала-сто-рублей? Давайте поиграем в барыню-прислала-сто-рублей» У Данилевских мою страсть к балам пестовала Наташа. Ростовско-Толстовское имя вкупе с революционным аристократизмом, на который претендовала её семья, поминавшая сидевшего в Алексеевском равелине деда, давало ей то преимущество понимания моих духовных устремлений, которого так недоставало прочим представителям взрослого мира.

Я любил латунь, она встречалась повсюду и блестела гораздо ярче, к тому же, в неё щедро вправляли алладиновы стекляшки. Золото было тусклым и неизобильным. В нашем доме золота не было вообще. Совсем не было. Даже некое подобие обручального кольца появилось у матери гораздо позже, почти перед самым разводом. На вопрос, почему она не носит украшения, она отвечала строго и слегка поджимая губы, что украшения должны быть настоящими. Под настоящими она подразумевала золотые. Никакой страсти к золотым украшениям в ней не было, сказывалось её высоко и глубоко развитое чувство собственного достоинства. Все бывшие у неё чувства были развиты глубоко и высоко. Долго и тщетно я пытался бороться с её попытками укоренить и во мне по-сорняковски пышно разросшееся в ней чувство долга. Теперь годы борьбы кажутся самым счастливым временем моей жизни. Меня постигла участь победителей, ей же досталось новое для неё, неподобающее чувство тщеты. Золоту пристало золото. Мальчику Пиноккио – ослиные уши. Злополучный Мидас, заполучивший и то, и

другое, не перестаёт оставаться для меня загадкой.

Меня похвалили. Это обязывает. Для человека, подобно мне старательно избегавшего всего даже отдалённо напоминающего об обязанностях и долге, это, должно быть, странное переживание. Для меня же оно не столь странно, сколь страшно. А страх, что ж, страх? К нему я привык. Удивляет по-прежнему лишь сила буквы. Меняем Н на Ш и вместо нужного, насущного получаем нечто невообразимое и, более того, непроизносимое. Сами попробуйте: шужшое, ШУЖШОЕ, ША-СУЩ-ШОЕ... шет, шевозможшо, ше сташу и шапрягаться. Лучше повторять слово ШВАБРА до посинения, пока во рту не появится знакомый вкус жёваных опилок, сметаемых поганой метлой в дальний угол бесконечного.

И всё же, предприняв попытку вывернуть наизнанку лабиринт моей жизни, моей книжки, книги жизни книжника и фарисея, выставив на обозренье не наружное колесо обозренья на котором, колесован будет некогда её до времени сорванный ветром плод(т), но самую мякоть первоначальных усилий заполнить собой потенциальный шагреневый переплёт, жалкие потуги обнажить душу, самое существование коей вне обставших её оболочек сомнительно, не совершил ли я самый правильный ход моей незадачливой биографии?

Не обречён ли я был до одури рисовать на любом клочке бумаги кривые прямоугольники, петляя в их стенах с модным техдостиженьем тех лет – шариковой ручкой о двенадцати стержнях, создавая одному лишь зрителю внятную красоту – списанные каталоги многоцветной каракульчи для неродившихся коммивожеров, освежёванные радужные агнцы маме на шубу. Шубу-шубу-шу, – жаловалась старуха Шапокляк доктору. – Шубу я не шью, – резонно отвечивал доктор старухе Шапокляк. – Да не шубу-шубу-шу, – негодовала старуха и, отплёвываясь жёванными опилками китайского раскидайчика, выдыхала: Мясик!

Мясик! – так меня позвала моя жизнь в лице параличного Федьки. – Мясик, па-а-маги! И я пыхтел, подталкивая его кресло на колёсиках на пол-лестничного пролёта вверх из подъезда, где стоял, дожидаясь лифта и обдумывая свою встречу с феей, на первый этаж, где он проживал со своею матерью.

Федька, рассказывали, был прежде нормальным мальчишкой, да неумеха-медсестра-руки-бы-таким-поотрывать, задела жизненно-важный нерв, делая ему простейший укол в попу. Когда б не она, учился бы Федька в ПТУ и был бы грозой нашего подъезда. Собственно, грозой, он стал и без ПТУ. Кому охота надрываться, подставляя плечо под жернова его кресла, тут, как правило, и взрослых-то соседей

сдувало как ветром, на дом же к нему ходила учительница младших классов.

Стоя в ожидании лифта, я обдумывал свои три заветных желанья. Главное, конечно, попросить шубу для мамы. Мама часто простужается, оттого, что у неё нет шубы. Вернее, есть, только синтетическая. Шуба же должна быть каракулевой или, на худой конец, настоящий подкотик. Шуба и драгоценности непременно должны быть настоящими. Дальше первого желания дело, как правило, не шло. Мне хотелось немало всякой всячины и было ясно, что даже эгоистически истратив на себя не два, а три желанья, мне не удастся обзавестись и самым необходимым. Здесь следовало как-то исхитриться, ни в коем случае не идя на поводу у предложения, столь ощутимо превышаемого спросом. Лучшей из приходивших в мою голову была идея попросить себе волшебную палочку. Однако родители, ознакомившись с ней, отвергли её с редкостным единодушием, как неосуществимую и, как следствие, нецелесообразную. Оставалась возможность пожелать что-нибудь такое, от чего всем станет так хорошо, что лучше и не выдумать. Что-нибудь, что отменит саму необходимость дальнейших желаний. Например, коммунизм.

И тут появился Федька.

Я не знаю, как пишется книга. Но, по всей видимости, не так, как я пытаюсь её написать. Настоящая книга прежде всего должна быть сюжетной. Я устал от поэтической, импрессионистичной, исповедальной, поточно-сознательной прозы ничуть не меньше, чем вся прочая читательская братия. Коллаж мне ненавистен. Дневники обрыдли. Я хочу роман с хорошим концом. Потому что роман с плохим концом – это тавтология, тавтология же – удел поэзии. Они жили долго и счастливо и умерли в один день – концовка с двойным убийством. Книга, завершающаяся законным браком героев обещает нам их медленную агонию, чьи подробности мы свободны домысливать сами. Переезд в новый дом, достижение желаемого, воссоединение с утраченными родителями, раскрытие тайн, позднее прозрение – каждый знает, о чём здесь идёт речь, где подобное становится возможным. Посему не вижу ни малейшей надобности ради сводимого на нет катарсиса вбивать пулю в пулю и громоздить труп на труп, так же, как не нахожу смысла в изображении сцен скотоложества и копрофагии на протяжении предшествующего этому текста. Все люди евские огурцы, – говаривал дядя Шаша, – умерли. От себя же могу добавить, что и мы все, ядящие дерьмо, тоже когда-нибудь умрём. Я сам знаю нескольких людей, уже это сделавших. Прожив коротко и несчастливо отпущенный им огуречный сезон. Это калька, конечно. Кажется, с

французского. Существующая в норвежском и в иврите. Имеется в виду мёртвый. Сезон, не язык. В аду. – Ваду! Валера, дай ваду! – обращался армянский аспирант к моему отцу. Почему-то запомнилось мне на долгие годы.

И у нас, пока мы не последовали за своими бесчисленными предшественниками, есть только одна, хоть и ненадёжная возможность спасти, если не себя, то их от. От отцов и праотцев, к коим они приложились. Поедать экскременты не по-свински, но по-тамплиерски. Надеюсь на последующую их трансформацию.

И.Зандман: Неловкое объяснение

Объяснять всегда неловко, будто знаешь что-то, чего другие не знают, объяснение всегда неловкое, не ловчее, чем спать на потолке, как сказал бы непременно мой дед, от неловкости всегда возникает заикание, топтание на месте и прочие тавтологические процессы. Итак, требуется объяснить, отчего по мнению автора его текст не влезает ни в какие рамки. Сделать это несложно, но мучительно до неловкости и неловко до муки. Автор давно уже нигде ничего не публиковал. Два журнала, где его встречали приветливо прекратили свое существование. Сперва закрылось «Солнечное сплетение». А недавно и «Двоеточие» объявило о прекращении своей деятельности. Так что автор, никогда не отличавшийся излишней общительностью, понял, что его литературная жизнь окончена. Был, правда, внезапный всплеск надежд и ожиданий, когда ему написал редактор «Воздуха» и даже сделал несколько замечаний по тексту, будто бы взятому для публикации, но и тут что-то не задалось. И хотя объяснений в данном случае не последовало, автор понял то, что и прежде знал – написанное им непубликабельно.

Анна Горенко:

Два письма и записка

Гали-Дане Зингер

Дана!

Я спрашивала у В.Т. как Вы поживаете, но представление получила не о Вас, а о том, как В.Т. понимает вселенную (все божьи твари являют как бы сложный спектр, эдакую радугу над новой terra и условно, допустим, красные достигают оргазма от стихов В.Т. уже в наши дни, а у каких-то сиреневых есть на то шанс лишь в XXI веке). В связи с этим я притворилась хорошей, но, увы, боюсь и XXI век ни в метафизическом, ни в смысле 1 янв 2001 г не сделает меня курсисткой, прижимающей к сердцу этот скромный томик с таким изысканным автографом. Всё вышеупомянутое нни для печати.

В.Т. – привет, скажите, что получили от меня несколько слёз восторга в коробочке из-под леденцов (они (слёзы) разноцветные, но нни-съедобныя).

Я сижу дома, читаю и жду пресловутую медкомиссию, которая проделывает во времени то же, что Машбир в пространстве (если Вы пробовали зрительно на него ориентироваться в пеших прогулках). В армии у меня никто не спросит, на каком основании [это] [вдруг] я не учу лингвистику и не выхожу замуж за хорошего парня (люди бывают двух типов, которые различаются выбором вопроса).

Ещё я встретила А. У неё такая маленькая грудь (adagio con tristeza). Правда-правда, вот не сойти мне с этого места – если с той – dark side - стороны свитера пришить две пуговицы и полученный продукт надеть на резиновую грелку, но без воды – то получится торс поэта М.А. Особенно если налить совсем чуть-чуть ледяной воды. На самом деле, она была мила и я надеюсь, что принесла ей и человечеству пользу тем, что отвлекла ее на час от создания «tekthtov».

Я Вам посвятила (?!) 2 (два) стихотворения, одно в следующем номере того, что издаёт Дема и Шаргородский, а другое лучше.

Вы совсем какая надо. Привет Вашему мужу, я не знаю через «и»

или «е», - Н...коду. На чем светская (или антисветская) часть ненавязчиво переходит в <около>литературную...

Стыдно признаться, я впервые прочла Е.Шварц две недели назад. Увы, отыграно куда больше полей, нежели я ожидала. Это моя была фрустрация!!: «жить себе тихонько, пить да ногти грызть». Хочу быть ковриком Е.Шварц. Этот предмет, право, ближе к литературе, чем я.

Прилетел летающий таракан и летает. (это NB)

Бокштейн. Бокштейн неопишум. Бокштейн поёт. Бокштейн мне рассказал, что Дантес был влюблён в Н.Н., шлялся и не слушался царя а потом убил Пушкина, который был муж Н.Н. и тоже не слушался царя, хотя царь всегда давал ему деньги издаваться. (Пушкин – литератор (моя догадка)). Предлагаю рассказать эту сплетню всем, кто упоминает имя А.Горенко не в том контексте. Пусть обсуждают, был ли у Дантеса *ןןך просрочен, etc.

У меня нет сигарет, не то бы я писала ещё полжизни. Большой привет и просьба передать прилагаемое спасание В.Т. (Какое я одинокое сердце, о!)

Спасание передаётся не при Рути (драгоценная спутница его жизни»).

Спасибо.

Анна Горенко.

примерно середина января

Дорогая Дана

посылаю Вам одновременно стихи в длинном конверте – прошлог.1 + Наблюдательный пункт пока ещё отнюдь не весь. Прошу Вас пожалуйста позвонить когда Вы это получите. Я готова приехать на любое мероприятие с тем чтобы прочесть что угодно потому что мне очень важно чтобы Н.П. прочелся. Видимо я всё же превратилась в поэта если меня беспокоят такие проблемы.

Мой сын Мосик не перестаёт кашлять при этом он крупный и нахальный. К нам приезжал некто Авраам Л., завсегда у ул. Бренера. Он рассказал, что поссорился с Гольдшт., но я так и не поняла, знакомы ли они вообще. На простой вопрос «чего же там пишут, а?» и пару других, увы, не более грамотных, я не получила вразумительного ответа. Писать «там, далеко на севере» не пишут, но зато издают альманах «При свечах». Вот. Почему-то все думают, что Йона Волах пишет только про секс. Если Вы возьмётесь

ее переводить, то Вам видимо достанутся букеты роз которые я ежедневно мысленно даю Й.В. Не совсем понятно, будут ли они (б.роз.) мысленные или по 7 ш. Но надеюсь Вам, – в мире прекрасного – будет это одинаково приятно.

Мне снилась сказка о сыне корабля и лося. Что инт., корабль мне снился на иврите, а лось по-русски.

Здесь я ретроактивно поздравляю всех с Рождеством и прощаюсь с Вами.

А.Горенко (не А.)

2. Сопровождавшая стихи записка

Дорогая Дана, я посылаю Вам сколько-то стихов (стихотворений?) они каждое сами по себе и никакое не относится к И.Христу т.к. я в состоянии (по тупости и непривязанности к культуре) писать только о и к знакомым мне людям.

Вот.

Очень хотелось бы напечатать праздничное стихотворение о поэтах.

Мой ребёнок Мосик научился хромая ползать.

Я опять его люблю т.к. он самый умный.

Привет-привет.

3.

Здравствуйтесь, Дана, я надеюсь, Вы простили мне моё возмутительное поведение в период работы кассиром и отсутствия стихов. Я также полагаю что недостающие запятые и другие, неизвестные мне, знаки препинания Вы проставите для себя в воображении.

Сейчас у меня есть припл. пять текстов которых будет припл. 15, и они будут как бы полторы темы, если это будет написано в 2 «столбика» или подряд

или вообще будет как пространственное решение. Это ужасная чушь, но мне было бы приятно возить стихотворение за собой на верёвочке.

В скобках у меня очень сюпонький Мосик, но слюни по этому поводу я опускаю.

Эти стихи которые возможно и явятся «наблюдательный пункт» а может быть нет, а как бы наблюдат. пункт-**дтг, в любом случае, я хочу напечатать, даже пусть частями. Хотелось бы только чтобы в соотв. конт., не в смысле гениальности, (между Г. и А.) но отбрасывая и ловя культурную тень. Если бы вставить их как эдакую вкладку-разворот: вроде какого нибудь талмуда но взаимозаменяемого.

Опять в скобках Мосик хрюшечка, он съел всю морковь. У М.Цветаевой когда только родился сын, правда, у Ахм. сразу, но не такой же сюпонький как Мосик. У Генделева вообще нет сыновей, у Пушкина четыре, но все идиоты.

Вот если Вы и Слог (если он ещё агонизирует) возьмёте мои стихи (последние!) И ник. др.

Это будет весьма и весьма, особенно если не надпишете, что поэт из кибуца. Поэта из Кфар Сабы Вам может быть я и прощу но это весит (для меня) ещё пять моих хамств, а поск. я теперь пример для Мосика, то видимо за Поэта из К. С. Вам в аду проставят жмеринскую прописку и имплантируют соответствующий акцент. Я иерусалимский поэт, а если кто это забудет, того язык присохнет к чему-то там и далее по тексту.

Мой телефон 07 897709 это авт. Подходит около 22:00 некто Софья. Она перманентно ждёт звонка и она меня позовет.

Моя вежливость и кротость объясняется работой в библиотеке и вежливостью и кротостью сюпонького Мосика.

Я ношу ***שחך יו'ס, т.к я в вечности жена, не на бумаге, но момент на бумаге приближается, как диагноз.

Помогите мне достать по-русски П.Целана и кроме того, я умоляю ****רְטוּל меня кто чего пишет, пока я опять не беременна, а курю и соображаю.

Привет

Как здесь гадко! О, крупа Башкевича!

В сентябре я полагаю, мы вернёмся.

Я буду приходить на Ваши литсобытия эдаким призраком кашрута. Я очень

скучаю даже по скотскому Герберту и плевать как он ко мне относится. Часть пейзажа. Стерпится слюбится, нельзя же не здороваться каждый день. С тех пор как Мосик, я себя чувствую общей бабушкой.

Прилагаю одно ст. Но оно не пр. а как бы реприза

Это не сами стихи, еще раз, но как бы их картинки

Два человека ворона и грач
Рядом по полю идут
Волоча за собою калач –
утешительный труд
Тихо надену и я сапоги
чтобы за ними идти:
их межи или зги
обирать по пути –
Зрению на зиму впрок.

Ладно еще в том же духе

Как запястье гимназистки
манит радужная смерть
Над головою стелит жесть
и вместо корпии записки
о сирени

P.S. Эпиграф ко всему будет видимо «я думал что сердце из камня»

*ןוקרט - заграничный паспорт (*иврит*)

**םדק - здесь: пред- (*иврит*)

***שאר יוסי - головной убор (*иврит*)

****רעול - здесь: держать в курсе (*иврит*)

Каракёй и Кадикёй: Рамка для письма

Ныне практически вымерший жанр письма, написанного ручкой на бумаге, был крайне маргинальным уже четверть века назад. Особенно, когда переписывались люди, жившие в одной маленькой стране, часто встречавшиеся и разговаривавшие вживе и по телефону. Видимо, обращение к этому жанру свидетельствует о желании автора сохранить эти тексты для потомков, а то и для грядущего полного собрания сочинений и писем. В отсутствие такового, публикуемым здесь письмам очень трудно найти какую-то соответствующую им рамку.

Возможно, метафорические воды Босфора между Каракёем и Кадикёем – наилучшая для них среда пребывания.

NB

При публикации сохранена авторские орфография и пунктуация. Некоторые имена собственные заменены инициалами.

Финтиктикова и Саша Протяг: Три письма в горисполком

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Я уже давно собираюсь написать Вам. Потому что нет сил терпеть. Я женщина интеллигентная. Мне уже много лет. И я давно хочу спросить, Кто вырубает деревья в нашем городе (и не только). А если и не вырубают, то мусорят под насаждениями бытовым мусором (и не только). Зачем, зачем рубят акации, берёзы, вязы, грабы, дубы, ели...? Я не ботаник, но скажу вам точно – уничтожать насаждения в таком городе как Мариуполь опасно и вредно. Ведь гуляют дети. И в том числе моя любимая внучка 15-ти лет. Кто должен за этим следить, ведь мы пенсионеры тоже пока ещё люди и тоже платим налоги? Зачем вырубают деревья и печатают на них потом всякую порнографию, а моя любимая внучка потом читает (и не только). Наверно не сдают сейчас в школах макулатуру, а если сдают, то мизер. Кто виноват?

*С уважением Ю.Н.Финтиктикова (Юлия Наумовна).
6.09.06*

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Я так и думала, что властям нету никакого дела до пенсионеров. Здравствуйте! Я посылала вам Сигнал о срубленных деревьях: акациих, буках, вязах, грабах, молодых дубках, елях... А ответа на мой Сигнал нет как нет.

И я заметила, что стало меньше дятлов, а они поедают и поедают, сами знаете кого.

Около кинотеатра Союз есть автомойка. Пойдите посмотрите, какие там пни! Я шла на автобус №68, чтобы попасть на кладбище, и увидела рабочих с бензопилой. Они пилили бедные деревья, а я провожала их взглядом. У меня был холодный пот, сами знаете почему. Куда все смотрят? И в том числе экологическая полиция?

*С уважением Юлия Наумовна Финтиктикова
пенсионерка
13.10.06*

ПИСЬМО – КРИК

Добрый день! Мне очень не нравится экология в нашем городе (Мариуполе). Я уже вам об этом писала (раза 2 или 3 раза). Я понимаю, что Вам может некогда, но и вы поймите меня, мне тоже некогда, у меня, как говорится, может уже «смерть на носу». Ну хватит о себе, ведь экология – это Вам не шуточки. Моё больное место – тератогенез!

Я давно уже замечала, что деревья болеют и это видно не вооружённым глазом. Учёный в телевизоре сказал, что 80% деревьев с уродствами уже, и я боюсь. Ведь как я уже писала, у меня внучка, и мы любим: абрикосы, бананы, вишни, гранаты, Ежевику и т.д.

Я хочу знать, передаётся ли тератогенез людям через еду, как болезнь?

И как лечить древесные недомогания?

*С уважением к Вам
Юлия Наумовна Финтиктикова (пенсионерка 18.03.07 года)*

Саша Протяг: Переписка с организаторами поэтического конкурса

Приглашение!

Здравствуйте! Меня зовут Наталия. Я представляю команду поэтического конкурса «Золотая строфа».

Если Вы пишете стихи, любите участвовать в конкурсах, читать и комментировать стихотворения других участников, а также читать интервью с поэтами, то я рада пригласить Вас в наше сообщество в Живом Журнале!

<http://community.livejournal.com/zolotayastrofa/>

Я очень надеюсь, что Вам у нас понравится! Присоединяйтесь!!

*

Здравствуйте,

Ваше приглашение - это просто судьба в распостёртых объятиях. Теперь я знаю, что мы спасены, и жизнь наша брызнет новыми творческими красками!

Я уже давно опекаю одну необыкновенную женщину. Она поэтесса, актриса и свободный перформансист. К несчастью, судьба наделила её страшной социальной неадаптированностью - она не может (и не хочет) работать (и многое другое). Денег едва хватает на то, чтобы ещё теплилась хоть какая-то надежда. Мы знаем, что в Калифорнии (на северо-западе штата) есть коммуна навроде лечебно-трудового лагеря. Однако, денег не хватает даже на один билет (в одну сторону). А если моя подопечная попадёт там в плохие руки? Что тогда? Вот так мы и балансируем на грани арт-брют и жалких социальных пособий.

К сожалению, в сети пока выложен только один фильм с её участием: <http://video.google.com/videoplay?docid=-6098900792258073906> А

здесь вы можете почитать её удивительные стихи: http://www.dikoepole.org/numbers_journal.php?id_txt=382 А это наше общество в Живом Журнале: <http://community.livejournal.com/fintiktiktika/profile>

Мы ждали Вас целую вечность! Мы согласны на две премии по 5.000 или на одну по 10.000. Этого, поверьте, нам хватит с лихвой. Слава не нужна, паблисити можно скомкать и замять. Наконец-то мы сможем снять наш первый полнометражный фильм (который пока что откладывался на неопределённый срок) и устроить настоящий триумф-банкет после съёмок (Вас - пригласим всенепременно!). Конечно, мы были бы не против, если бы вы выделяли нам деньги регулярно (например, раз в год - осенью), как инвалидам поэзии, или беженцам оттуда.

Мы никогда никому не расскажем о том, что вы растратили поэтические деньги не по назначению. Ведь позолоченных строф много, а золотые - только у нас! И только Вы, только Вы, можете это понять и постигнуть. Понять и постигнуть без всяких конкурсов и интервью!

Ждём от вас вестей!

Саша

*

Здравствуйте, Саша!

Ваша история тронула меня до глубины души! Но, к сожалению, я занимаюсь информационной поддержкой конкурса, а не организационными вопросами. А участие в нашем конкурсе - платное. Поэтому я, к сожалению, Вам ничем помочь не могу. Но постараюсь узнать у орг. комитета, можем ли мы принять Вашу заявку бесплатно.

С уважением, Наталия.

*

Здравствуйте!

Спасибо, что мы вас тронули. Этот мир так жесток, особенно если на все организационные вопросы есть только организационные ответы. И вчера у моей поэтессы злые байкеры выхватили последний страусовый веер из рук и унесли прочь, оставив её на солнцепёке совсем одну - «Пустырь, и поэтесса истомилась...» - помните эти замечательные строки?

Пожалуйста, не узнавайте ничего у оргкомитета. Ведь тогда оргкомитет подумает, что вы собираетесь подсуживать нам. (Неужели именно таким непоэтичным глаголом - «подсуживать» - закончатся наши скитания в этом бесприютном мире, где нет ничего, кроме страшных Вихрей Времени мимо нас???) Не узнавайте ничего у оргкомитета. Если действительно хотите нам помочь (и действительно уверены в том, что не пожалеете об этом) - просто заберите деньги (10 или 5 тысяч) и отдайте их нам. В пригороде С.Петербурга живёт наш дядя, которому мы доверяем. Он сможет передать нам деньги с вечерним поездом.

Спасибо вам большое

Спасибо!

С уважением

Саша

*

Мы Вам ничем помочь не можем. Условия нашего конкурса одинаковы для всех.

Всего Вам самого наилучшего!

Финтиктикова и Саша Протяг: Как мы будем жить

(МАНИФЕСТ)

I

Пансионат: с видом на море, воздухоплавательные аппараты, птиц, жриц и на раздевалку. Всё хорошо видно.

II

Воздухоплавательные аппараты в ассортименте (чтобы шнырять в космосях).

III

Позолоченное судно, полное коньяку. Приносят и уносят по первому зову судьбы.

IV

Режим: не режимный объект.

V

Виноградники (до самого неба). Лётчики-виноградари, грамотные дегоржёры и совестливые ремкооры.

VI

Пенсия в постельку, где я не одна (и ещё кот).

VII

По вечерам: милонга. По утрам: классическая музыка. По вечерам: милонга.

VIII

Жэньщины: поющие (от счастья).

IX

Мужчины: подпевающие (тоже от счастья).

X

Потомство: любящее, понаделанное при соблюдении всех санитарных норм, легковоспитуемое. С хорошими вокальными данными.

XI

Еда: чтобы таяло и скользило. Блюда́ из коров и гарнирчик.

XII

Сон: 21.00 «Танцор Диско»

23.15 «Клеопатра» (с Элизабетой Тейлор)

3.15 «Замок желаний Жозефины»

4.40 мультки

7.00 профилактика

8.00 «Строгий юноша»

9.45 клипы (зарубежная эстрада)

10.15 «Танцор Диско» (повтор)

Финтиктикова и Саша Протяг: Мои соседи

(правда-матка в двух действиях)

Действующие лица:

Бармен Камилла

Пьянство Миша

Тяжёлая Фракция Батый

Сейсмический Толчок Наташа

Вулкан Жора

Кратер Сара

Селевые Потоки Ивановы

Неурожай Катя

Забастовка Розалинда

Мусоропровод Николя (забился)

Реанимация Эсмеральда

Абразивные Материалы Юля и Саша

Протуберанец Артём

Тайфун Настя

Ураган Жанна

Паводок Андрей

Палаточный Городок Зося и Сын

Мародёры Женя и Соня

Смутные Времена Мура и Хьюго

Безбилетный Проезд Сан Саныч

Штраф Ицхак

Гололедица Максим

Яма Инна

Снежные Заносы Жак-Жак-Жак, Славой и Хулио

Как всё было

(действие первое)

Бармен Камилла: камон-камон.

Пьянство Миша: уль-уль-уль.

Тяжёлая Фракция Батый: хохо.

Сейсмический Толчок Наташа: тюк-тюк.

Вулкан Жора: ррр.

Кратер Сара: ффф.

Селевые Потоки Ивановы: ляп-ляп.

Неурожай Катя: ой-ой-ой.

Забастовка Розалинда: бдыщ!

Мусоропровод Николя (забился): охohoх.

Реанимация Эсмеральда: коль-коль.

Абразивные Материалы Юля и Саша: тртр.

Ajk Björn Pierсс + Ти Хо ! (р-р.) муштатов.

Как всё было потом

(действие второе)

Протуберанец Артём: вжих!

Тайфун Настя и Ураган Жанна (вместе): уууу.

Паводок Андрей: плюх-плюх.

Неурожай Катя: ой-ой-ой.

Палаточный Городок Зося и Сын: ням-ням.

Мародёры Женя и Соня: хыч-хыч.

Смутные Времена Мура и Хьюго: тиктак.

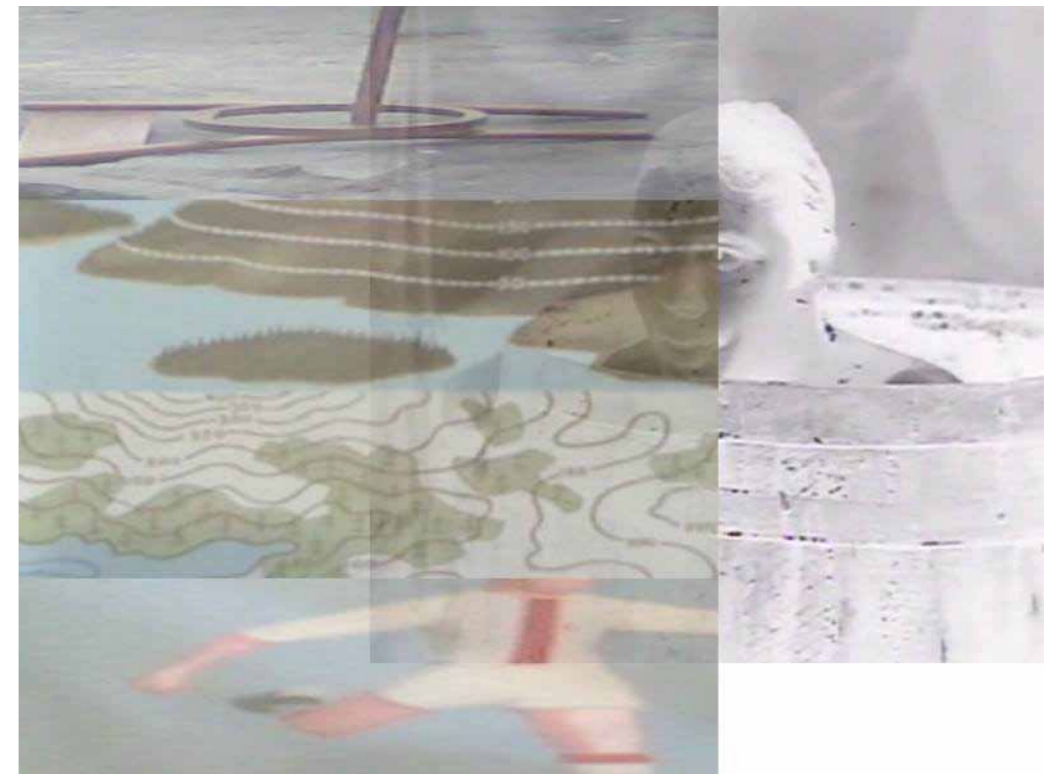
Безбилетный Проезд Сан Саныч: шур-шур.

Штраф Ицхак: куку.

Гололедица Максим: ззз.

Яма Инна: бух!

Снежные Заносы Жак-Жак-Жак, Славой и Хулио: бай-бай

Две работы из серии «Без названия»

Саша Протяг: Четыре комментария к четырём текстам

Как мы будем жить

Кажется, мы задумывали этот манифест как манифест, но получилась просто вымышленная телепрограмма. На самом деле, спустя лет пять или шесть, мне даже удалось снять фильм по этой «телепрограмме», т.е. она в какой-то степени превратилась в сценарий. (фильм «Купание Ф», <https://vimeo.com/82610412>). В общем, я не удивлюсь, если когда-нибудь этот текст превратится в резюме или в советы-как-нескучно-провести-отпуск.

Манифест-телепрограмма, который может превратиться в советы-как-нескучно-провести-отпуск?? Разве это не объяснение полной неуместности этого текста в литературе???

Пьеса «Мои соседи»

Этот текст точно родился из моих пересказов Финтиктиковой, какой БЫВАЕТ мировая литература. Сама Финтиктикова читает мало, но всегда живо интересуется сигналами из МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, например, в моих пересказах. Вот у нас и получилась, в ответ на эти сигналы, такая себе «карго литература».

Карго-литература?? Разве это не объяснение полной неуместности этого текста в литературе???

Письма в горисполком

Эти письма на самом деле отправлялись в горисполком, и по закону на них обязаны были отвечать. Но мы ответов то ли не получили, то ли они были скучны и нам не запомнились. Это был такой «эпистолярный театр», потому что в те времена жизнь жалобщиков в коридорах учреждений была в первую очередь не политической, а театральной (в смысле «театральщины»). Мы просто обыгрывали фразы из лексикона таких жалобщиков.

Эпистолярный театр?? разве это не объяснение полной неуместности этого текста в литературе???

Переписка с Золотой Строфой

Я просто решил ответить на Соблазн другим Соблазном. Т.е. на графоманский Лохотрон ответить внезапно ещё более сильным и страшным Лохотроном. Тогда меня очень волновали идеи found poetry, и я пытался найти какие-то новые способы создания текстов. Спам на спам, как в этом случае.

Лохотрон в ответ на Лохотрон?? Разве это не объяснение полной неуместности этого текста в литературе???

Финтиктикова: Три комментария к трём текстам

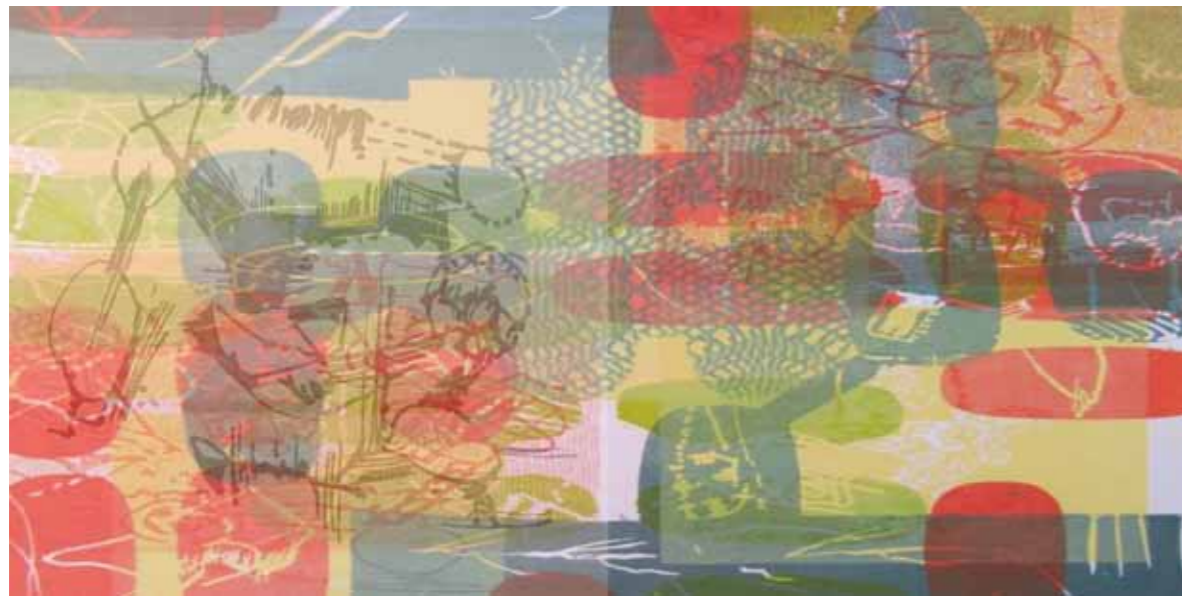
Про письма в горисполком. Это попытка предотвратить упадок эпистолярного жанра, одновременно сведя свой словарный запас к минимуму. Ибо каждая буква должна быть несущей. Алфавит не резиновый! Ещё, это про равнодушных женщин. (Читай Стефана Цвейга «24 часа из жизни женщины» и проводи параллель (диагональ)).

«Мои соседи» решали три задачи: подоткнуть завесу драматургии, отряхнуть пепел столетий, сжечь сердца печатным звуком.

Манифест-то мантра. Повторять, пока не наступит. А как наступит – угомониться. Счастье - в покое! Куда ткнул указующий перст? В такие издания как: «Вопросы наркологии», «Успехи геронтологии», «Анналы аритмологии», «Имагология и компративистика», «Почвоведение», «Кондратьевские волны», «Вопросы ономастики», «Педагогическое ухо», «Атеротромбоз», «Прикладная логопедьюшка», «Звёзды над пакетом», «Адское варево», «Уголь», «Бумага и жизнь», «Бабушкины травки», «Быть бобру», «Инолаптянин на пенсии» и др. указующий перст не ткнул. Зато он ткнул в «Каракёй и Кадикёй». И вот я здесь!

С ув. Финтиктикова

**Ајк Вјорн Пјерсс +
Ти Хо ! (р-р.) муштатов:
Переход**

Видение турецкого султана Махмуда II

Каракёй и Кадикёй: Sapiienti sat

Гео III. Махата + Тши Хо! (р-р.) муштатов:
п а с е к н а й к а

Гео III. Махата + Тши Хо! (р-р.) муштатов:
з а п и с к и

Татьяна Бонч-Осмоловская: Леонардо Пизанский

Татьяна Бонч-Осмоловская:

Признание моей капитуляции

Анна Хромова: Орнитологические исследования

Анна Хромова: А вот записка. Всё как на духу
И. Зандман:

При ближайшем рассмотрении оказывающиеся
И. Зандман: Неловкое объяснение

Анна Горенко: Два письма и записка Гали-Дане Зингер

Каракёй и Кадикёй: Рамка для письма

Финтиктикова и Саша Протяг:

Три письма в горисполком

Саша Протяг:

Переписка с организаторами поэтического конкурса

Финтиктикова и Саша Протяг: Как мы будем жить

Финтиктикова и Саша Протяг: Мои соседи

Саша Протяг:

Четыре комментария к четырём текстам

Финтиктикова: Три комментария к трём текстам

Ајќ Вјотт Пьерс + Тши Хо! (р-р.) муштатов: Переход